

(Не) Любимая для графа

18+

Аки Вебр 2026г

Ани Вебр

(Не) любимая для графа

«Автор»
2026

Вебр А.

(Не) любимая для графа / А. Вебр — «Автор», 2026

Очнувшись в другом мире, порадовалась, что мне подарили второй шанс. Вот только тело, в которое я попала, оставило после себя «большой подарок». Разозленного мужа, который хочет развестись. Страдающего, от нехватки материнской любви, ребенка. И навязчивого любовника. Что со всем этим делать?— Я устал. Я так сильно устал, — продолжал он, и где-то в глубине души я вдруг вспомнила: «Ах да, от Миши я это уже слышала». Только там усталость была капризной, а здесь — выжженной, настоящей.— Я многое прощал тебе. Потакал всем капризам. Старался как никто другой. Затолкал свою гордость так далеко, что и не вспомню, где она. Но так и не смог добиться взаимной любви. Считай, что я смирился с неизбежным и отпускаю тебя. К вечеру приедет мой поверенный и привезёт документы. Подпишем, и с завтрашнего дня ты можешь делать всё, что захочешь, и идти куда хочешь. — И да, Илья останется со мной. Хотя ты его никогда не любила и, думаю, будешь только рада. Но всё же хочу, чтоб ты знала.

© Вебр А., 2026
© Автор, 2026

Ани Вебр
(Не) любимая для графа

Умирая от сердечного приступа после предательства мужа. Единственное о чем я думала. «Хочу жить» и «Жаль, что не познала счастье материнства».

Очнувшись в другом мире, порадовалась, что мне подарили второй шанс. Вот только тело, в которое я попала, оставило после себя «большой подарок». Разозленного мужа, который хочет развестись. Страдающего, от нехватки материнской любви, ребенка. И навязчивого любовника.

Что со всем этим делать? И как наладить свою жизнь?

— Я устал. Я так сильно устал, — продолжал он, и где-то в глубине души я вдруг вспомнила: «Ах да, от Миши я это уже слышала». Только там усталость была капризной, а здесь — выжженной, настоящей.

— Я многое прощал тебе. Потакал всем капризам. Старался как никто другой. Затолкал свою гордость так далеко, что и не вспомню, где она. Но так и не смог добиться взаимной любви. Считай, что я смирился с неизбежным и отпускаю тебя. К вечеру приедет мой поверенный и привезёт документы. Подпишем, и с завтрашнего дня ты можешь делать всё, что захочешь, и идти куда хочешь.

И когда я взялась за ручку двери, он произнёс мне в спину:

— И да, Илья останется со мной. Хотя ты его никогда не любила и, думаю, будешь только рада. Но всё же хочу, чтоб ты знала.

Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей.

Пролог

Отпросилась с работы пораньше. Сегодня особенный день! Годовщина. Сегодня ровно десять лет, как мы с Михаилом поженились. Десять лет брака пролетели как один миг — словно тонкая струйка песка, проскользнувшая сквозь пальцы, оставив на коже лишь едва уловимый след. С тех пор, как я встретила Мишу, можно сказать, что я счастлива. Единственное, что омрачает это тихое счастье, — отсутствие детей. Миша меня успокаивает. Говорит, всему своё время, мы ещё молоды. Только тридцать пять для женщины — не такая уж и молодость. Для себя мы уже пожили, и пора бы уже задуматься о детях.

Пришла домой. Быстро прибралась и занялась приготовлением праздничного ужина. В воздухе закружились ароматы пряностей и запечённого мяса, смешиваясь с едва уловимым запахом воска от старых свечей, которые я достала из шкафа — тех самых, с которых начиналась наша семейная жизнь. Спустя два часа стол был накрыт. Любуюсь творением своих рук. Утка по-пекински, салат «Цезарь», красное вино, свечи и красивая сервировка. Любимые блюда Михаила. Перевожу взгляд на часы. Как раз вовремя, он уже должен скоро прийти.

Не успела подумать, как в замочной скважине провернулся ключ. Послышались шаги в коридоре — тяжёлые, привычные, но сегодня отчего-то звучащие чуждо, будто по нашему дому шёл не муж, а посторонний человек. Я вся подобралась, машинально поправила причёску, одернула край праздничного платья, чувствуя, как ткань скользит по коже, а в груди сжимается предвкушение — сейчас он войдёт, увидит всё это, улыбнётся, притянет к себе…

Шаги отдалились, и в спальне послышался звук открывшейся дверцы шкафа — резкий, скрипучий, словно протестующий против вторжения в привычный порядок вещей. Что он там делает?

Подхожу к комнате и застываю в дверном проёме. Миша увлечённо складывает вещи в спортивную сумку, не замечая моего присутствия. Свет лампы падает на его склоненную голову, выхватывая из полумрака седую прядь у виска — совсем тонкую, почти незаметную, но я её вижу, и от этого почему-то становится ещё больнее.

— Ты куда-то собираешься? — всё же интересуюсь я.

— А? Да, в командировку срочно отправляют, — поясняет, продолжая собирать вещи, его движения резкие, отточенные, будто он делает это не в первый раз.

— Ты уезжаешь сегодня?

— Да. А что? — мельком всё же переводит на меня взгляд и тут же возвращается к своему занятию, не заметив ни моего нарядного вида, ни накрытого стола, ни той старательной любви, что я вложила в каждый элемент этого вечера.

— Может, поедешь завтра? Ночь ничего не изменит. Сегодня такой день, — предпринимаю ещё одну попытку обратить на себя внимание, и голос мой звучит непривычно тихо, будто боится спугнуть и без того хрупкую надежду.

— Какой день? — спрашивает он и уже пристально осматривает меня, словно пытается вспомнить, кто я такая, откуда взялась в этой комнате, в его жизни.

— Ну как же? Сегодня годовщина нашей свадьбы, — говорю и понимаю, что Миша снова забыл. Каждый год одно и то же.

— Ах, это, — равнодушно произносит он. — Прости, но отменить поездку не могу.

— Но ведь можно поехать завтра утром. Я готовилась, — не могу сдержать возмущение в голосе, и оно звенит в воздухе, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Это моя работа! — повышает голос. — Я не могу подвести людей. А ужин можно и отложить.

— Это не просто ужин! — тоже перехожу на повышенный тон, и слова вылетают наружу, словно осколки разбитого стекла. — Каждый год одно и то же. Ты постоянно забываешь! А сегодня так и вовсе уезжаешь. А у нас, между прочим, юбилей! Десять лет! — Слёзы наворачиваются на глаза, и я не могу их сдержать. Голос предательски дрогнул, а по щекам покатились горячие, солёные капли, оставляя на коже холодные дорожки.

— Вот только не начинай, — выставляет руку в останавливающем жесте. — Как я устал от всего этого, — взъерошивает волосы, отчего они встают торчком, делая его похожим на загнанного зверя, и начинает ходить по комнате, меряя шагами пространство, которое ещё недавно казалось нашим общим убежищем.

— Я так больше не могу. Зачем я вообще женился на тебе?

Сердце пропускает удар, будто кто-то сжал его ледяной рукой, и на мгновение мир замирает — часы на стене перестают тикать, воздух становится густым, почти осязаемым, а тишина давит на уши. Как он мог такое сказать?

— Разве мы поженились не по любви? — сипло выдавливаю из себя, глотая горький комок в горле, который царапает изнутри, словно осколок разбитой мечты.

— По любви? — переспрашивает, давя смешок, и в этом смехе нет ни капли веселья — только усталость и раздражение. — Я женился, потому что ты была мне удобна. Каждому мужику нравится, когда приходишь домой, а там чисто и всегда есть что поесть. И меня это вполне устраивало. А ты как с цепи сорвалась. Превратилась из жены в мать. Задушила уже меня своей опекой. «Одень носочки потеплее, возьми обед с собой», — стал передразнивать меня, и каждое слово било точно в цель, оставляя на душе новые шрамы.

— Вот где у меня твои обеды, — подставил руку к горлу, словно демонстрируя, как они там застряли, мешая дышать. — Весь офис обедает в ближайшем кафе, один я как дебил хожу с этими засратыми контейнерами!

— Мог просто сказать, — шепчу осипшим голосом, и этот шёпот кажется громче крика, потому что в нём — вся моя растерянность, вся боль от осознания, что все эти годы я старалась, вкладывала душу, а он даже не удосужился сказать, что ему это не нужно. – Был бы у нас ребенок, я бы свое внимание делила на двоих.

— Да не нужны мне дети! — Миша окончательно вышел из себя, и его голос гремел, отражаясь от стен, которые ещё недавно хранили наши тихие разговоры и смех. — Я молод и хочу пожить для себя. И тебя противозачаточными кормил, чтоб родить не надумала. Всё, с меня хватит! — подхватил сумку и бросил на ходу: — Вещи заберу через пару дней и на развод сам подам. Достала!

Услышала, как хлопнула входная дверь — резко, окончательно, словно перерезала невидимую нить, связывавшую нас все эти годы. В груди сильно запекло, перед глазами поплыло, и воздуха стало не хватать, будто кто-то вынул из комнаты весь кислород. Как стояла у стены, так и сползла на пол, чувствуя, как холод паркета проникает сквозь тонкую ткань платья, остужая пылающую кожу. Господи, зачем он так со мной? Что я делаю неправильно? Всю жизнь мне не везло с мужчинами до встречи с Мишей. А оказывается, и с ним не повезло. Боже, неужели я многого хотела в этой жизни? Всего лишь любящего мужа и ребёнка. Неужели это так много?

Боль в груди всё сильнее нарастала, становясь почти физической, будто внутри разрастался тяжёлый, холодный камень, вытесняющий всё остальное. Я понимаю, что умираю. Телефон остался на кухне, и никто мне не поможет. Миша найдёт моё бездыханное тело лишь спустя пару дней. А я так хочу жить. Ведь я не успела в этой жизни ничего. Детей нет, а так хотелось. Мужа уже тоже нет, а я так мечтала, чтоб меня любили. Пыталась бороться за жизнь, но безжалостно проигрывала тьме и боли, которая окутывала меня, словно густой, липкий туман, не оставляющий шансов на спасение.

И перед тем, как тьма окончательно поглотила меня, в голову пришла крылатая фраза: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей». Эта фраза как нельзя точно описывает всю мою никчёмную жизнь — горькую, несправедливую, полную надежд, которые так и не сбылись.

Глава 1

Пробуждение было тяжёлым, словно на грудь положили гранитный валун, а в виски методично вбивали тонкие гвозди. Голова гудела, тело будто свинцовое, налитое вязкой, тягучей тяжестью, что сковывала каждую мышцу. Даже веки открыть не могла — они казались непомерно тяжёлыми, будто их припечатали к глазам свинцовыми пластинами. Первая мысль, робкая и дрожащая, как огонёк на ветру, обрадовала: «Я жива! Вроде бы».

Прислушиваюсь к себе и к окружающему пространству — тишина, но не пустая, а густая, плотная, будто воздух здесь был иным, более насыщенным. В нём витал лёгкий цветочный аромат — не аптечная стерильность больницы, не привычный запах квартиры, а что-то тонкое, едва уловимое, словно кто-то рассыпал лепестки роз по комнате. Состояние так себе, но это пройдёт. Главное — меня спасли.

В душе начала зарождаться надежда, тёплая и трепетная, как первый луч солнца после долгой метели. Неужели Миша вернулся и, увидев меня на полу, вызвал скорую помощь? Но я оборвала её на корню, резко, безжалостно, как срывают ядовитый цветок, чтобы он не отравил сад. Как только поправлюсь, сама подам на развод. А после в корне изменю свою жизнь. Хватит выпрашивать любовь и внимание у мужчин. Пусть теперь они за мной бегают.

А воспоминания накатывали волнами, безжалостными и холодными. В институте бегала за Женей. Красивый, нравился всем девчонкам. Один раз подмигнул мне, и я поплыла, как льдина, сорвавшаяся с места под напором весеннего течения. Ходила за ним как хвостик, готовая ради одного его взгляда свернуть горы. А он пользовался. Конечно, нашёл дуру, которая за улыбку делала за него все контрольные, практические и курсовые. Даже дипломную работу и ту сделала. Все покупали, а Женя лишь улыбался, бросал пару комплиментов — и диплом в кармане. По окончании института так и разошлись, как в море корабли, без сожалений, без оглядки.

Потом был Павел. Комплиментов было в сто раз больше. Даже подарки дарил. Дешёвые безделушки, но всё же. Пара свиданий — и постель. И вот его повысили до заместителя начальника в нашей строительной фирме, где мы оба работали, а я так и осталась рядовым сотрудником. После чего услышала от него: «Ты же понимаешь, что мне теперь не по статусу продолжать наши отношения». Да если бы не я, то и статуса у него никакого бы не было.

А потом случился Миша. И вот, прожив десять лет в счастливом неведении, меня снова спустили с небес на землю. Всё, хватит падать перед каждым мужиком и позволять вытирать об себя ноги. Теперь пусть они пляшут передо мной.

Так, что-то я ушла в свои мысли. Надо понять, где я. Глаза всё ещё не открываются, тело как чужое, но разум ясен как никогда, острый и холодный, словно лезвие. Лежу на мягком, на чём-то, что обволакивает, как облако, — значит, на кровати, а не на полу. Запах лёгкий, цветочный, сладковатый, но не приторный, а деликатный, будто в комнате только что распустились ночные фиалки. Странно. На больничный не похож.

Слышу, как открывается дверь — звук тяжёлый, низкий, словно створка из старого дуба, пропитанного веками. Две пары шагов направляются в мою сторону: один — чёткий, уверенный, будто каждый шаг отмерен и взвешен, другой — лёгкий, почти неслышный, с едва уловимым шорохом ткани. И совершенно незнакомые голоса.

— Ваше Сиятельство, я промыл желудок Её Сиятельству. Угрозы для жизни больше нет. Дал успокоительного, Катерина Степановна проспит пару часов, — отчитывался пожилой мужчина, судя по голосу, в котором слышалась усталость, смешанная с почтением.

— Хорошо, — отозвался достаточно молодой, но строгий второй голос, в нём звенела сталь, не терпящая возражений.

— Дуня, — громко позвал мужчина, и вскоре вновь отворилась дверь, скрипнув на старых петлях.

— Звали, Ваше Сиятельство? — прозвучал звонкий молоденький голосок с другого конца комнаты, дрожащий от волнения.

— Да. Присмотри за Катериной. Как придёт в себя, передай, что она добилась своего. Я готов её отпустить. Буду в кабинете.

После чего послышался хоровод шагов: так, подозреваю, Сиятельство прошагал чеканным шагом к выходу, его шаги отдавались эхом в просторном помещении, а за ним, чуть шаркая ногами, ушёл и доктор. А к кровати приблизилась та самая Дуня — лёгкой поступью, почти невесомой, словно она ступала по воздуху, а не по ковру. И воцарилась тишина, густая и напряжённая, в которой можно было услышать, как бьётся собственное сердце.

И что это всё значит? Где я? Какие ещё Сиятельства? Полагаю, речь шла обо мне. Только я уверена, что у меня был сердечный приступ. Зачем мне тогда промывали желудок? Почему я не в больнице? И откуда меня готов отпустить этот Сиятельство? А главное, как я могла этого добиться, если вообще с ним не знакома? Что-то тут не так. И мне это всё больше и больше не нравится.

И только я хотела попытаться вновь открыть глаза, как Дуня зашептала, её голос дрожал, в нём слышались слёзы:

— Ох, что же вы наделали… Как же это? Ну вот чего вам не хватало? Глеб Иванович вас так любил. Всё готов был положить к вашим ногам. А вы? Эх… — тяжело вздохнула, и в этом вздохе была вся её боль, вся её растерянность.

— Илюшку жальче всего. Бедный ребёнок… Что же теперь будет? — кажется, девушка начала всхлипывать, её плечи мелко вздрагивали.

О ком она говорит? Так, меня это всё не касается. Где бы я ни была, как только встану, пойду к Сиятельству и уйду.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем я смогла открыть глаза, — не меньше пары часов точно. Лежать неподвижно в гробовой тишине — то ещё испытание. Временами накатывал дичайший страх, ледяной и колючий, он сковывал грудь, мешал дышать. Прикладывая титанические усилия для своего успокоения, много думала, чтоб отвлечься, перебирала в памяти каждую мелочь, каждое слово, каждый взгляд, словно это могло удержать меня в реальности. И вот тело начало меня слушаться: сначала открыла глаза, потом зашевелились руки, пальцы слабо сжались, ощущая прохладу простыни.

— Пить, — выдавила хриплым голосом, и звук собственного голоса показался чужим, словно он принадлежал кому-то другому.

— Сейчас, — тут же засуетилась Дуня, её движения были быстрыми, но осторожными, будто она боялась навредить.

Обвела беглым взглядом комнату. Что можно сказать? Спальня довольно большая, а это именно она. Огромная двуспальная кровать с балдахином кремового цвета с золотистой вышивкой, на которой я, собственно, и лежу. Рядом стоит изящный секретер с тонкой резьбой, на нём — фарфоровый кувшин и чаша, расписанные нежными цветами. Тяжёлые плотные шторы закрывают два окна по обеим сторонам от кровати; сквозь щели пробиваются тонкие лучи света, в которых кружатся пылинки, медленно танцуя в воздухе. Входная дверь, как и предполагала, тяжёлая, из тёмного дерева, украшенная коваными элементами. Да, вокруг всё выполнено из дерева, тёплого, полированного до мягкого блеска. В углу комнаты имеется ещё одна дверь — могу лишь предположить, что ведёт она в ванную комнату. Недалеко от неё — высокий и мощный шкаф, украшенный резными узорами. Пол застелен ковром с густым ворсом, приглушающим шаги, в тёплых бежевых тонах. Всё выполнено в кремовых и молочных оттенках, создающих ощущение уюта, но в то же время подчёркивающих роскошь и статус.

Служанка, а это именно она, судя по скромному тёмно-коричневому платью с белым фартуком и аккуратно заплетённой косой, подала стакан с водой и помогла попить, поддерживая мою голову своей мягкой, тёплой рукой.

— Его сиятельство просил передать, что согласен отпустить вас. Он ждёт в кабинете. Вам помочь собраться? — выдала она наконец, то, что я и так уже знала, но говорила скованно, словно побаивалась меня, её глаза избегали прямого взгляда, а пальцы нервно теребили край фартука.

— Да. Помощь мне не помешает, — прочистив горло, отозвалась я и услышала вовсе не свой голос — он был ниже, мягче, в нём появились нотки, которых раньше не было, словно кто-то другой говорил моими губами.

— И до кабинета проводи, а то я ещё не очень хорошо себя чувствую, — добавила, и в этот момент мир словно замер, задержав дыхание.

И тут началось что-то невообразимое. Не успела я принять сидячее положение, как рядом со мной на постели появился ворох одежды — шёлковые ткани, кружева, ленты, всё это переливалось в приглушённом свете, словно сотканное из лунного света. Я думала, мне надо выбрать платье, а оказалось, мне надо во всё это облачиться. Аж рот приоткрылся от удивления. Дуня сняла с меня ночную сорочку и надела другую — тонкую, из батиста, прохладную на ощупь. Потом нижнюю юбку, шуршащую при каждом движении. Ловко развернув меня, затянула в корсет — и тут я перестала дышать, но не от удивления, а из-за корсета: он сжимал грудь,

словно железные объятия, дышать приходилось мелкими вдохами, ловя каждый глоток воздуха. Пока я боролась за каждый вздох, меня облачили и в платье — тяжёлое, из дорогой ткани, украшенное вышивкой и жемчугом, оно облегало фигуру, подчёркивая изгибы, которых раньше не было. Усадив меня перед дамским столиком, Дуня занялась причёской, её пальцы ловко перебирали пряди, укладывая их в сложную причёску.

А я окончательно перестала дышать. Теперь уже от увиденного отражения в зеркале.

Я — Екатерина Котова, тридцати пяти лет. У меня были русые волосы по плечи. Цвет моих волос мне нравился, и я никогда не перекрашивала его. Веснушки на курносом носике. Округлые щёчки. Всегда считала себя симпатичной, хоть и приходилось подкрашивать ресницы — всё же светлые ресницы добавляли мне блеклости. А теперь из зеркала на меня удивлённо смотрит брюнетка двадцати с небольшим лет, с волосами по пояс, струящимися, как тёмный шёлк. Выразительные, чуть пухлые губы, очерченные естественной линией. Небольшой прямой нос, без намёка на курносость. Густые чёрные ресницы, обрамляющие глаза, которые казались глубже и темнее, чем раньше. Лицо с выраженными скулами, придающими ему утончённость и даже некую надменность.

Этого просто не может быть. Так не бывает. Никогда не увлекалась книгами про попаданок и вот на тебе. Одну читала, ещё будучи в институте, — сказка для взрослых, тогда подумала я. Попала в другой мир, король которого пал к её ногам. Спасла планету и жила долго и счастливо. Если вкратце описать. Я ещё подумала, что ж там за писаная красавица, если сам король влюбился с первого взгляда в девушку без роду и племени. А теперь вот она я.

Что там Дуня причитала? Что-то про Глеба… отчество не помню. И про мальчика какого-то. Как бы узнать?

***

Погружённая в свои мысли, так и дошла с Дуней до кабинета — будто плыла по течению, не замечая ни скрипа старых половиц под ногами, ни приглушённого шёпота коридоров, ни даже того, как холодный сквозняк, пробравшись сквозь щели в рамах, цеплялся за подол платья, словно пытался удержать. И дорогу не запомнила, и окружающую обстановку не заметила — всё слилось в серую, размытую полосу, где не было ни деталей, ни смысла.

Служанка постучала, и после разрешения входить открыла дверь, подтолкнула меня в спину и тут же закрыла за мной, будто отрезая путь назад. Сама не вошла.

Стою, рассматриваю Его Сиятельство. Красивый мужчина. Широкие плечи, будто созданные для того, чтобы держать на себе тяжесть мира. Мужественное лицо, даже немного суровое — в нём читалась усталость, глубже, чем просто след бессонных ночей. Брюнет. Лёгкая щетина и волнистая чёлка по краям лица придавали ему не столько небрежность, сколько ту самую горькую человечность, которую редко встретишь у знати. Одет не лучше меня — но всё дорогое, в стиле восемнадцатого века: тёмный камзол, серая рубашка, ткань которой, казалось, помнила тепло его тела и холод долгих дней.

— Проходи, садись, — нарушил он тишину, приводя меня тем самым в чувства. Голос у него был низкий, чуть хрипловатый, будто каждое слово давалось с усилием, как будто он уже устал говорить то, что должен.

Опустилась на стул с противоположной от него стороны и продолжила молчать. Между нами легло тяжёлое, плотное молчание — такое, что в нём можно было утонуть.

— Думаю, Дуня передала тебе, что я согласен на развод, — произнёс он, и в этих словах прозвучала не победа, а капитуляция.

«Мы женаты? Даже в другом мире или теле — неважно, главное, и тут меня бросают».

— Я устал. Я так сильно устал, — продолжал он, и где-то в глубине души я вдруг вспомнила: «Ах да, от Миши я это уже слышала». Только там усталость была капризной, а здесь — выжженной, настоящей.

— Я многое прощал тебе. Потакал всем капризам. Старался как никто другой. Затолкал свою гордость так далеко, что и не вспомню, где она. Но так и не смог добиться взаимной любви. Считай, что я смирился с неизбежным и отпускаю тебя. К вечеру приедет мой поверенный и привезёт документы. Подпишем, и с завтрашнего дня ты можешь делать всё, что захочешь, и идти куда хочешь. Содержанием не обижу. Можешь идти. Как привезут бумаги, я позову.

Весь его монолог я слушала молча и пыталась разобраться. Выходит, это я хочу развода? Ну, точнее, эта Катерина, в чьём теле теперь я. Интересно, что её не устраивало в её муже? С виду вроде нормальный.

И когда я взялась за ручку двери, он произнёс мне в спину:

— И да, Илья останется со мной. Хотя ты его никогда не любила и, думаю, будешь только рада. Но всё же хочу, чтоб ты знала.

И тут мою голову взорвало от чужих воспоминаний, хлынувших потоком. Картинки сменялись с такой скоростью, что я едва успевала осознавать происходящее. Они накатывали, как штормовые волны, разбиваясь о сознание и оставляя после себя солёный привкус чужой боли. Голова начала дико болеть, перед глазами поплыли тёмные круги, и я потерялась в пространстве — по-моему, потеряла сознание.

Чужая жизнь мелькала перед глазами. Детство, юность… Девочка была рождена в семье графа, и её воспитанием занималась целая армия людей: няньки, гувернантки и учителя по всем возможным предметам — письмо, счёт, танцы, игра на фортепиано, история, рукоделие, этикет, основы политики и многое другое. Историю и политику Катерина не любила, и воспоминаний по этим направлениям крайне мало. Всё вокруг было пропитано запахом воска от натёртых полов, ароматом лаванды, которой пересыпали бельё, и едва уловимым холодом каменных стен, будто сам дом не хотел согревать тех, кто в нём жил.

Планета называется Перес. Страна Фонда, город Дарт. Деньги — ливры. Король Сергий Третий. О политике знаний ноль. Всё, что её интересовало, — это балы и мечта выйти замуж по любви. Скорее всего, сказалась жизнь родителей: их брак был договорным. Мать родила сына Григория и через год Катерину, после чего самоустранилась в дальнее поместье, чтобы не видеть мужа, который менял любовниц с завидной регулярностью. Воспитанием детей, которые жили с отцом, занимались няньки.

В восемнадцать лет состоялся первый выход в свет. Катерина блистала на балу в королевском дворце — в платье цвета слоновой кости, расшитом жемчугом, она казалась фарфоровой статуэткой, созданной для восхищения, но не для жизни. В зале пахло духами, воском свечей и предвкушением, а воздух был густ от шёпотов и взглядов. Там она познакомилась с молодым бароном Семёном Раевским. Девушка влюбилась с первого взгляда. Семён тоже оказывал знаки внимания, и в каждом его жесте, в каждом поклоне ей виделась надежда. Только отец Катерины не одобрил этот брак. Он хотел выдать её замуж за равного.

Тут как нельзя кстати появился граф Глеб Иванович Золотарёв. Он влюбился в юную Катерину без памяти. Девушка противилась свадьбе. Хотела сбежать с Семёном. Они встречались тайком, и один раз даже переспали — что было крайне глупо с её стороны. Невеста должна быть невинна. Муж имеет право отказаться от «испорченной» жены и вернуть семье, тогда семья будет опозорена.

Катерина сбежала из дома. Но Семён в назначенное время и место не явился. Она прождала его всю ночь, дрожа от холода и страха, в тени старого вяза, чьи ветви царапали небо, словно пытались удержать звёзды. Она вернулась домой, когда первые лучи рассвета уже подкрасили крыши города в бледно-розовый цвет. Дома к тому времени её, естественно, уже хватились и начали разыскивать. Отец был зол. Запер её в комнате и лишил прогулок и общения с подругами. Спустя месяц всё же успокоился и отменил наказание.

Катерина нашла момент и вновь встретилась с Семёном. Он просил прощения за свою трусость. Говорил, что испугался уйти в никуда. Без денег и титулов — что они будут делать, где жить, а главное, на что? Решили взять паузу и придумать план действий. Свадьба с графом неумолимо приближалась. До назначенной даты оставалось две недели. Тогда в голове девушки родился план: она соберёт все свои драгоценности и дорогие платья. Они смогут всё продать и продержаться какое-то время, а там, глядишь, и отец успокоится и смирится с выбором дочери.

Молодой барон согласился с планом. Катерина сбежала и ждала на условленном месте. Семён пришёл ближе к рассвету, когда девушка уже почти потеряла надежду дождаться возлюбленного. Они сняли комнату в захудалом трактире на окраине города — там пахло прогорклым маслом, пылью и отчаянием, а тонкие стены не скрывали ни криков пьяных гостей, ни скрипа кроватей в соседних комнатах. Утром барон отправился сбывать богатства графини. До обеда она с предвкушением ждала. Но он так и не явился.

Всю ночь Катерина проплакала в подушку, пропитанную запахом дешёвого мыла и чужой жизни. Весь следующий день строила догадки, что могло задержать парня. Может, его арестовали по приказу графа? Или он снова испугался? А может, не смог быстро всё продать. Катерина не привыкла к лишениям, и ожидание давалось ей с трудом. Она хотела есть, пить и помыться. А больше всего — уйти из этого грязного места. Последнее желание сбылось к вечеру: её просто выгнали из трактира за неуплату.

Куда идти, она не знала. При побеге Катерина оставила отцу письмо, в котором писала о потере невинности и о любви к барону. Возвращаться домой, как в первый раз, она дико боялась и просто бесцельно бродила по ночным улицам города, пока её не нашли патрульные. Они и доставили её к отцу. Граф был в таком бешенстве, что при встрече влепил ей звонкую пощёчину. Орал так, что содрогались стены, и пыль сыпалась с лепнины, как сухой снег. Чтоб не усугублять ситуацию, девушка сказала, что соврала о девственности. Якобы хотела, чтоб отец наверняка согласился с её выбором. Тогда граф немного поуспокоился.

— Имей в виду, КАТЕРИНА, если ты всё же уже не невинна, и Глеб Иванович после свадьбы вернёт тебя мне, я отрекусь от тебя и выставлю из дома. Лишу титула и наследства! Клянусь богами, я сделаю это! — объявил отец перед тем, как запер её в комнате до самой свадьбы.

В день свадьбы Катерина выглядела так, словно её ведут на эшафот. Ни красота платья, ни причёски не спасали ситуацию: в зеркале она видела не невесту, а пленницу, наряженную для казни. Первая брачная ночь была сущим адом. Граф был нежен и обходителен, боли не причинил, только девушке было всё равно. Её передёргивало от омерзения при каждом его прикосновении. От поцелуев её мутило так, что едва сдерживалась. Лежала и молилась, чтоб всё скорее закончилось. Катерина готовилась к позору и возврату в семью, из которой её вскоре выгонят. Только Глеб Иванович этого не сделал. Он закрыл глаза на потерю девственности и простил молодую жену.

А дальше начались годы постоянных проступков Катерины и всепрощения графа. Семёну удалось встретиться с девушкой и слёзно клясться в любви. Объяснял, что за ним следили и он, дабы её не нашли, вернулся домой. К слову, ни денег, ни драгоценностей так и не вернул. Предлагал вновь сбежать. Катерина верила и продолжала встречаться тайком. Несколько раз пыталась бежать. Её находили и возвращали. Каждый раз барон отступал в последний момент, а девушка всё понимала и прощала, как и прощал её выходки граф.

К себе она его больше не подпускала, но брачная ночь дала свои плоды. Катерина родила сына Илью. Всю беременность граф не спускал с неё глаз. Она неоднократно пыталась избавиться от ребёнка. Попытки пресекались, и родить всё же пришлось. Только любви к нему не питала и воспитанием не занималась. Те редкие моменты, когда мальчик тянулся к матери, вела себя отстранённо и старалась как можно быстрее уйти — будто боялась, что, если задержится хоть на миг, в ней проснётся то самое чувство, которое она так старательно хоронила.

Все её мысли занимал только барон. Мужа она постоянно пыталась вывести из себя: прятала вещи и документы, портила еду. В общем, делала всё, чтоб он разозлился и развелся с ней. Последняя попытка сбежать закончилась большим скандалом. Глеб тогда впервые за пять лет не сдержался, схватил её за волосы и прошипел в лицо:

— Мне это уже порядком надоело. Если ты ещё хоть один раз посмотришь в его сторону, не говоря уже о большем, я обвиню его в совращении моей жены, и его повесят. Уяснила?! Так или иначе, но тебе придётся смириться с нашей свадьбой и забыть его.

Именно эти слова и привели её к попытке отравления. Хотя почему попытке? Катерина выпила яд и умерла, а на её место пришла я, Екатерина Котова. И что теперь делать, я ума не приложу.

Если в начале я была готова к разводу, то теперь не уверена в этом. Барон — Семён Раевский — инфантильный, неуверенный трус. С ним мне точно не по пути. Отец выгонит. Я-то смогу прожить одна, в отличие от настоящей Катерины. Только вот нужно ли мне это? Я так мечтала о ребёнке. И вот он — мальчик, так мечтающий о материнской любви, которую я могу ему подарить.

Граф, конечно, зол и, скорее всего, ненавидит Катерину. Ведь она сделала всё возможное, чтоб этого добиться. Жаль, не дожила до этого дня — дня своей свободы. Только мне эта свобода не нужна. Я выбираю Илюшу. А с графом постепенно разберусь. Может, успокоится и немного оттает, и удастся жить хотя бы как соседи.

Глава 2

Вечером Сиятельство позвал меня в кабинет для подписания документов о разводе. Войдя, мне предложили присесть. В кабинете присутствовал поверенный и сам граф. Тяжёлый запах старого воска и чернил витал в воздухе, оседая на языке горьковатой пылью. На полированной столешнице, потемневшей от времени, тускло поблёскивал серебряный чернильный прибор — словно насмешливый свидетель надвигающейся драмы.

— Вот. — Глеб передвинул по столу документы ближе ко мне. — Ознакомься и подпиши. Я уже подписал.

Быстро пробежалась глазами по тексту и подняла взгляд на мужа. Строчки плясали перед глазами, сливаясь в сплошную чёрную вязь, но смысл их впивался в сознание острыми иглами.

— Я не буду это подписывать. — Ровным тоном произнесла я, стараясь унять дрожь в голосе.

— Оставьте нас на пару минут. — Обратился он к поверенному, и, как только за ним закрылась дверь, переключил своё внимание на меня. Скрип петель прозвучал в тишине, как финальный аккорд, отрезавший меня от внешнего мира.

— Что тебя не устроило? Содержание маленькое или дом недостаточно большой? Или находится не там? Скажи, и я всё поправлю.

— Я хочу быть рядом с сыном.

— Ты это специально, да? Ты издевалась надо мной пять лет, пока я ждал и надеялся, что ты меня полюбишь. Тебе Илья был не нужен все эти годы. Почему сейчас ты воспылала материнской любовью? Тебе мало моих страданий? Ты хочешь продлить их как можно дольше?

Его голос, прежде всегда сдержанный и холодный, теперь звенел натянутой струной, готовой вот-вот лопнуть. В его глазах, тёмных и глубоких, как омуты в бурном ручье, плескалась обида, смешанная с чем-то ещё — с той самой болью, которую я столько лет старательно не замечала.

— Нет. Я вовсе не желаю твоих страданий. — Начала спокойно отвечать я, хотя внутри всё сжималось от тяжести момента. — Побывав на грани между жизнью и смертью, я многое поняла и изменилась.

— С трудом в это верится. — Парировал ехидно муж, но в изгибе его губ промелькнула тень сомнения — едва уловимая, как тень облака на раскалённом песке.

— Можешь не верить, я не настаиваю. Только от сына я не откажусь. Я согласна на развод, понимаю, ты не желаешь меня больше видеть, но сын останется со мной. А если нет, то и развода не будет.

— Чего ты добиваешься?

— Ничего. Всё, чего я хочу, я озвучила. Теперь решение только за тобой.

Повисло тягостное молчание. Глеб буравил меня взглядом, я продолжала сохранять спокойствие. Смотрела на мужчину и думала, как же много ему пришлось пережить и вытерпеть. В этот момент я боролась со своим состраданием. Так хотелось подойти, обнять его и пожалеть — просто прижать к себе, как прижимают к груди испуганного ребёнка. И только данное обещание самой себе, что не буду бегать больше ни за одним мужчиной, удерживало меня на месте, словно невидимые цепи сковывали руки.

— Хорошо. — Наконец заговорил он, и в его голосе прозвучала усталая обречённость. — Развода не будет. Но и выходки твои я терпеть больше не намерен. Ещё хоть одна — и при разводе ты не получишь ничего.

— Договорились. — Ответила и вышла из кабинета, ощущая провожающий меня тяжёлый взгляд, который, казалось, прожигал спину насквозь.

Первое сражение выиграно. Но победа отдавала пеплом.

С сыном встретиться пока не удалось. Когда Катерину обнаружили без чувств, Глеб Иванович сразу отправил сына погостить у своих родителей. С одной стороны, решение правильное, но с другой — я теперь не знала, чем себя занять. Одиночество здесь было не тишиной, а гулкой пустотой, которая заполняла комнату, словно холодный туман, проникая в каждую щель.

Проснувшись утром, три часа слонялась по комнате. Изучила её вдоль и поперёк. Знаю каждый угол и трещинку на стене — они стали моими молчаливыми собеседниками. Ещё одна дверь в комнате действительно вела в ванную комнату. Посреди неё стояла деревянная бадья, потемневшая от времени и влаги, её края были гладкими от бесчисленных прикосновений. Воду для неё приходилось греть и таскать вёдрами — тяжёлый труд, который здесь считался обыденностью. В углу располагался туалет. Он представлял собой ведро с широким бортом, чтоб удобнее было сидеть. В днище которого была дыра, а рядом стояло ведро с водой. Из чего можно сделать вывод, что канализация тут имеется. В бадье, к слову, тоже есть отверстие на дне.

Долго стояла у окна и изучала природу. Если бы не воспоминания Катерины, я бы подумала, что угодила в средневековье родной Земли. Видимых отличий я и не нашла: то же небо, раскинувшееся над головой бескрайним куполом, та же природа, дышащая покоем и вечностью. То же солнце, лениво плывущее по небосводу, и та же луна, что ночью будет смотреть на мир холодным, бесстрастным взглядом. Может, это какой-то параллельный мир? Единственное, что меня действительно поразило, — это отставание в прогрессе. Ведь здесь идёт две тысячи пятьсот тридцать первый год. Боюсь представить, что к этому году изобретут на Земле. А тут всё застряло в древности, словно время решило обойти это место стороной.

Устав сидеть в комнате, решила осмотреть всё остальное. Позвала служанку, чтоб помогла собраться. Я, конечно, привыкла обходиться своими силами, но тут без посторонней помощи никак. Одни только сложные причёски чего стоят — они напоминали хитроумные сооружения, в которых каждая прядь должна лежать строго на своём месте.

— Дуня, можешь не затягивать так сильно корсет? — простонала я, чувствуя, как рёбра протестуют против железной хватки ткани.

— У вас должна быть осиная талия. — отозвалась она, не поднимая глаз, её пальцы ловко скользили по шнуровке, затягивая узел за узлом.

— Какая талия? У меня должен быть воздух, чтоб я могла дышать. — возмутилась я, поворачиваясь лицом к девушке. Её лицо, юное и немного испуганное, на мгновение дрогнуло, отражая внутреннюю борьбу между долгом и сочувствием.

— Хорошо, я сделаю послабее. — быстро согласилась она, и в её голосе прозвучало такое облегчение, будто она только и ждала разрешения нарушить строгий порядок.

Меня здесь все боятся. И это относится не только к служанке. Заглянула на кухню. Все, кто там был, а именно кухарка – Мария и все та же Дуня, не спускали с меня глаз, хотя и старались держаться подальше, пряча взгляды за ложной занятостью. Их движения были суетливыми, как у птиц, готовых в любой момент сорваться с места и улететь. Вспомнив, как Катерина портила еду, я быстро покинула это место. Во-первых, мне стало неловко — словно я вторгалась в чужой, хрупкий мир. А во-вторых, не хотела нервировать прислугу.

Побродила по коридорам. Всё в доме сделано из дерева, и его тёплый, чуть смолистый аромат окутывал пространство, создавая иллюзию уюта, который никак не хотел проникать в душу. Лишь изредка встречались предметы из железа — подсвечники, дверные ручки, петли, — они холодно поблёскивали в полумраке, словно чужеродные вкрапления. Кажется, что и сам дом деревянный, дышащий, живой — он скрипел и вздыхал, будто помнил все тайны, что когда-либо были в нём раскрыты.

Вышла на улицу и убедилась в своих предположениях. Большой деревянный особняк, потемневший от дождей и ветров, стоял посреди сада, словно древний страж. Вокруг него раскинулся восхитительный сад — буйство красок и ароматов. Множество клумб с цветами, чьи лепестки напоминали крошечные флажки, призывающие остановиться и полюбоваться. Утоптанные тропинки петляли между деревьями, приглашая заблудиться в их тени. Разнообразные деревья — высокие и раскидистые, низкие и стройные — создавали причудливый узор, в котором хотелось потеряться. Были и плодовые: груши и яблоки, чьи ветви склонялись под тяжестью будущих плодов. Но когда я увидела родные сердцу берёзки, чуть не расплакалась. Их белые стволы, испещрённые чёрными штрихами, словно страницы старой книги, рассказывали истории, понятные только мне.

На дворе было начало лета. Воздух был свежим, напоённым ароматами цветущих трав, и не таким жарким, как бывает в середине сезона. Зато всё вокруг стояло в цвету — сад будто праздновал наступление тепла, раскидывая свои яркие ковры до самого горизонта. Погуляла до обеда, впитывая каждый миг, каждую деталь, пытаясь заглушить внутреннюю пустоту этим внешним изобилием.

Ела в своей комнате, как и с утра. Не знаю почему. Может, так принято, или Катерина приучила подавать еду в комнату, чтобы как можно меньше встречаться с графом. Надо бы осторожно разузнать, но сама мысль о расспросах казалась утомительной.

После обеда посетила библиотеку и пропала для остального мира. Большая комната, уставленная стеллажами, доверху набитыми книгами, встретила меня тишиной и запахом старой бумаги — терпким, чуть сладковатым, который всегда ассоциируется у меня с мудростью и тайнами. Чего тут только не было: и художественная литература, страницы которой хранили чьи-то мечты и страхи, и книги по истории и политике, тяжёлые и основательные, словно камни на дороге времени. Научные труды в разных областях жизни, подшивка местных газет — пожелтевших, хрупких, как крылья бабочек. С них я и начала, чтобы больше узнать о жизни людей и местных сплетнях. Хотелось составить своё мнение о местной элите, а не смотреть на неё сквозь призму Катерининого взгляда, искажённого обидой и разочарованием.

Что можно сказать? Всё как везде. Перемыли косточки всем, кто женился, развелся, разбогател или обеднел. Только по поводу рождения детей радовались, довольно искренне, не упоминая плохого. Медицина довольно средняя, выдающихся изобретений нет. Хотя за полдня я и так это заметила. Ни телевизора, ни телефона с интернетом. Никак не могу понять, чем занимаются местные дамы целыми днями. Мужчины работают, а женщины сидят дома целыми

днями. И?.. Что делать-то? Если есть дети, то можно заняться их воспитанием и развитием. А если нет… Крайне непривычно. Я привыкла отдавать всю себя работе и домашним заботам. Здесь я просто маюсь от скуки. Работы нет, а по дому всё делает прислуга. Если Илюша не вернётся в ближайшее время, то я сойду с ума от безделья и одиночества, которое здесь было не просто отсутствием людей, а чем-то осязаемым — тяжёлым, плотным, как влажный туман, оседающий на коже.

Завтра надо поговорить с Сиятельством. Мне так нравится его про себя называть «Сиятельством» — звучит комично и поднимает мне настроение, словно маленькая победа над этой гнетущей серьёзностью.

Надо срочно искать себе занятие. Катерина сидела целыми днями в комнате и строила планы о побеге. Я бежать не намерена и сидеть в четырёх стенах не буду. Мне нужна семья и здоровое общение — то, без чего душа начинает тихо увядать, как цветок без воды.

***

Утро началось с посещения мужа в его кабинете. Постучала и после разрешения вошла.

В комнате витал терпкий аромат сандала и старой бумаги — казалось, даже воздух здесь был пропитан властью и сдержанностью. Тяжёлые бархатные шторы приглушали первые лучи солнца, и в полумраке силуэт мужа выглядел особенно внушительно: прямая осанка, сжатые плечи, взгляд, в котором читалась готовность к обороне.

— Доброе утро, — решила проявить вежливость. Поздоровалась и присела на стул, обитый тёмно-бордовым бархатом; ткань чуть скрипнула под весом, словно неодобрительно вздохнула.

— После твоего прихода я в этом уже сомневаюсь, — заявил Сиятельство и весь подобрался, напрягся, словно готовился отражать удар. Его пальцы едва заметно сжались на краю стола, будто он искал опору в холодном дереве.

— Я лишь хотела узнать, когда ты вернёшь Илью домой, — не стала пасовать. Голос прозвучал твёрже, чем я ожидала, и в тишине кабинета он отозвался почти вызовом.

— Зачем ты это делаешь? Никак не могу понять, — он пристально вглядывался в мои глаза. Что хотел там найти? Ответ на вопрос? Или тень прежней не покорности, которая, когда-то делала эту женщину неуправляемой? В его взгляде мелькнуло что-то похожее на растерянность — редкое, почти неуловимое чувство, которое лишь подчёркивало, насколько чуждой я стала для него.

— Я уже говорила. На грани жизни и смерти я многое поняла. Верни сына домой как можно быстрее, — вижу по глазам: он мне не верит, и разговаривать с ним бесполезно. Поднялась и направилась на выход, ткань платья тихо шуршала, нарушая гнетущую тишину. Уже у двери произнесла, стараясь вложить в слова всю решимость, на которую была способна: — Верни сына, или всё, что я до этого делала, покажется тебе детскими забавами. – Надавила угрозой и вышла из кабинета.

Выйдя из кабинета, я направилась в библиотеку. Не зная, чем себя занять, решила почитать книги: всё-таки мне нужны знания об этом мире. Тяжёлая дубовая дверь скрипнула, впуская меня в царство тишины и пыли, которая кружилась в узких лучах света, пробивавшихся сквозь высокие витражные окна. Здесь пахло воском, пергаментом и временем — будто сама история оседала на корешках книг, превращая их в молчаливых свидетелей веков. Достала несколько книг по законам, по географии и, не знаю для чего, ещё положила на стол книги о природе. Этот и следующий день я провела в библиотеке.

До позднего вечера успела почитать законы, полистала книги по географии. Ничего существенного в них не обнаружила. Животные и растения те же, в принципе, не особо отличались от тех, что были на Земле: те же очертания листьев, тот же изгиб ветвей, те же настороженные взгляды лесных зверей на гравюрах. А вот их законы меня впечатлили. Всё в основном крути-

лось вокруг мужчины. Женщина — так, просто придаток. Только мужчина решал, за кого она выйдет замуж, чем будет заниматься, где будет жить. Всё это решал либо отец, либо старший голова семьи. После того как девушка выходила замуж, её жизнью уже распоряжался муж. Разводы тут, конечно, имелись, но всё зависело только от мужа. Если муж захотел — они разведутся. Мнение жены в этом вопросе не учитывалось. Нет, подписи в документах ставили оба. Но на беззащитную девушку можно и хорошенько надавить при желании. И он же назначал, где после развода будет жить жена. Как правило, выделяли какое-нибудь поместье в отдалённом месте и назначали жалование. Редко возвращали семье. Но это если прям сразу после свадьбы. Разведённых женщин повторно замуж практически не брали. Крайне редко. В основном они так и доживали свою жизнь в одиночестве в отдалённом месте. Как правило, дети оставались всегда с мужчиной. Редко кто из мужей позволял женщине воспитывать детей после развода.

Закрыв книгу и отложив её в сторону, сделала неутешительный вывод. Хоть я и попала в другой мир, но он очень сильно напоминал наше средневековье. Такая же несправедливость и ущемление прав женщин. С этим решила разобраться позже.

Полистала ещё несколько книг, ещё больше уверилась в том, что всё-таки это очень сильно напоминает наше средневековье. Особо никаких открытий они не сделали. Никаких выдающихся изобретений тоже. Только непонятно почему. С одной стороны, вы скажете, что мир потихоньку развивается, всё ещё впереди. Вот только я знала, какой сейчас год. Я была очень сильно удивлена. Ведь в этом мире сейчас шёл две тысячи пятьсот тридцать первый год. А развитие остановилось на нашем средневековье. Из чего можно было сделать выводы, что либо мир развивается очень медленно, либо его что-то очень сильно тормозит. Заглянула в ещё несколько книг и так и не пришла к определённому выводу. Вроде законов, запрещающих какие-то изобретения, нет, но и того, что они где-то были, тоже ничего об этом не сказано. В медицине никаких прорывов не сделано. Да, есть какие-то микстуры, настойки, но это всё далеко от наших таблеток. Никаких аппаратов УЗИ и МРТ, тем более, нет. Поэтому медицина здесь очень сильно отставала. Что меня, как человека из двадцать первого века, очень сильно тревожило. Если я здесь буду жить на постоянной основе, мне придётся и рожать, и болеть. Кто меня будет лечить? А главное — как и чем? Очень большой вопрос.

С такими неутешительными мыслями я отправилась в комнату. Солнце давно уже село, а под свечку читать было крайне неудобно: дрожащий огонёк отбрасывал причудливые тени на страницы, и буквы сливались в неразборчивые пятна, неприятно режа глаза с непривычки. Не хотелось бы испортить себе зрение. Решила продолжить изучение библиотеки завтра. Несмотря на то, что в уме было очень много мыслей, которые постоянно прокручивала в голове, всё, что успела прочитать и узнать, снова и снова всплывало в сознании. Я всё равно достаточно быстро уснула. Скорее всего, сказывалось общее состояние организма. Я ещё не до конца оправилась после попытки отравления предыдущей хозяйки этого тела. Так ещё и пыталась уложить в своей голове кучу новой информации. Сон пришёл тихо, словно крадучись, и утянул меня в темноту, где не было ни тревог, ни вопросов.

Утро началось так же, как и предыдущие. Дуня разбудила меня завтраком. Помогла умыться и одеться. В её движениях была привычная, почти семейная забота, и на мгновение это согревало, прогоняя холод чужих стен. Собравшись, решила никому не мешать и сразу направилась в библиотеку. Ознакомилась с ещё парочкой книг. Ничего особо нового, полезного и увлекательного для себя больше не почерпнула. Так как на законы повлиять прямо сейчас не могла, решила просто плыть по течению. А дальше будет видно. Книгу законов всё же стоит дочитать до конца. Вдруг там появится ещё что-то интересное.

Я так увлеклась, что даже не сразу заметила, что в комнате нахожусь уже не одна. Граф вошёл в библиотеку бесшумно, но само его присутствие мгновенно изменило атмосферу: воздух словно стал плотнее, а тишина — напряжённой. Остановился на середине комнаты и просто смотрел на меня. Лучи утреннего солнца, пробившиеся сквозь витражи, окрасили его

фигуру в тёплые янтарные тона, но в этом свете он казался не мягче, а лишь опаснее — словно хищник, замерший перед броском.

Я подняла на него взгляд, закрыла книгу, отложила на столик и молча ожидала, когда он заговорит. Ведь не просто так он зашёл. Глеб Иванович бросил быстрый взгляд на книгу, потом перевёл на меня и в удивлении приподнял бровь — этот едва уловимый жест выдал его любопытство, которое он так старательно прятал за маской равнодушия.

— Что, решила поискать в законах, как отобрать у меня ребёнка? — всё же высказал самые очевидные свои предположения. — А потом всю оставшуюся жизнь меня шантажировать?

— Даже не думала об этом, — ответила, нисколько не обидевшись. Голос прозвучал спокойно, почти равнодушно, и это, кажется, сбило его с толку.

— Тогда вдвойне интересно, зачем же ты взялась за изучение законов.

— Мне было скучно. Я просто решила почитать. А эта книга очень увлекла меня, — говорила с лёгкостью и видела недоумение и непонимание на лице мужа. В его глазах мелькнуло что-то похожее на раздражение — он не привык к таким простым и в то же время необъяснимым ответам.

В помещении воцарилась тишина, густая и тяжёлая, словно сама библиотека затаила дыхание.

— Ладно. Будем считать, что я тебе поверил, — со вздохом вновь заговорил граф, разрывая тишину. — Я искал тебя не для этого. Хотел уведомить, что нас пригласили на бал. На котором твоё присутствие обязательно. У меня будет аудиенция с королём. Поэтому, как понимаешь, я не могу пойти один. Но я очень надеюсь, ты не доставишь мне там проблем и будешь вести себя подобающе. — Боже, разговаривает как с ребёнком.

— И когда же состоится этот приём? — я продолжала улыбаться, и, судя по сжатым кулакам, мужу это не нравилось. В его жесте сквозила едва сдерживаемая досада — он явно не знал, как реагировать на эту странную смесь покорности и дерзости.

— Бал пройдёт завтра вечером. Надеюсь, ты успеешь собраться, и тебе на всё хватит времени.

Он ещё немного постоял молча, буравил меня пристальным взглядом, словно пытался разгадать загадку, и, не сказав больше ни слова, развернулся и покинул библиотеку. Его шаги глухо отдавались по каменному полу, постепенно стихая, пока дверь не закрылась с тихим, но окончательным щелчком. Проводив его взглядом, я вернулась к книге, но читать желание уже не было. Да и солнце потихоньку клонилось к закату, окрашивая страницы в золотисто-оранжевые тона, которые уже не манили, а лишь подчёркивали надвигающуюся неизбежность.

Предстоящий бал наводил нервозность. Аудиенция у короля — это достаточно серьёзный повод посетить бал. А вот что там делать? Как себя вести и, главное, как не выдать своё иномирное происхождение и не ударить в грязь лицом? Вот это уже большой вопрос. Я сразу стала прокручивать в голове, как себя вести, всё ли я помню из этикета. Может быть, он, конечно, и расходится с этим миром, но основное в голове воспроизвела. Что-то подкинула память предыдущей хозяйки этого тела. Ведь бал был самым любимым её местом препровождения, и воспоминаний было много. Жаль, действительно полезных — мало.

Я вернуласьв свои покои и очень долго мерила комнату шагами. В голове была тысяча вопросов. Что мне со всем этим делать? Ходила от стены к стене, пока паркет не начал казаться исчерченным моими тревогами. Тени от свечей плясали на стенах, превращая привычные очертания комнаты в нечто чужое и враждебное. Но ни к чему так и не пришла. В итоге решила, что разберусь по ходу дела. И со спокойной душой легла спать, хотя в груди всё ещё трепетал холодок предвкушения и страха.

Глава 3

Утро для меня наступило крайне неожиданно. А главное — совсем не в то время, какое бы мне хотелось. В комнату ворвалась Дуня, её шаги гулко прозвучали по холодному паркету, а в воздухе тут же разлился запах лавандовой воды, которой она, видимо, сбрызнула себя перед тем, как бежать будить меня.

— Пора вставать, у нас ещё много дел! И если Вы не поднимитесь сейчас, то не успеете собраться на бал, — её голос звенел от волнения, будто она боялась, что сама не справится с этой горой предстоящих хлопот.

Первая мысль была, что я проспала до обеда. Тогда я резко подорвалась. Но моё сознание не хотело возвращаться в рабочее состояние. Глаза не открывались, в голове стоял туман, густой и вязкий, как утренний пар над рекой в промозглый день. Обычно так я чувствовала себя, если меня будили ночью. Я кое-как приоткрыла один глаз и покосилась на окно. И точно! За ним было темно, лишь тонкая полоска бледного света едва угадывалась на горизонте, словно кто-то провёл по небу едва заметной кистью. Тогда я перевела взгляд на часы: было пять утра. Я снова откинулась на подушку и со стоном закрыла глаза, успокаивая быстро колотящееся сердце, которое билось так, будто хотело вырваться из груди.

— Зачем мне вставать в такую рань? Ещё только пять утра, — прохрипела сонным голосом, будто сама тьма шептала эти слова, обволакивая комнату густой, тягучей дремотой.

— Ваше сиятельство, мы не успеем собраться — у нас очень мало времени. Поэтому прошу вас, просыпайтесь, — чуть ли не плача, просила служанка. Её голос дрожал, как тонкая струна, натянутая до предела. — Я принесла вам завтрак. Вы поедите, и мы начнём сборы.

— Сколько ехать до дворца?

— Около двух часов, — тут же отозвалась Дуня, словно боялась, что малейшая пауза обернётся катастрофой.

— Бал начнётся в семь. Если ехать два часа… Значит, мы будем выезжать в пять вечера, — рассуждала я вслух, а цифры складывались в голове, как костяшки счётов, сухо и безжалостно. — Сейчас только пять утра. Что мы будем делать двенадцать часов?

— Это очень мало, госпожа. Я боюсь, что не успеем. Поэтому предлагаю начать как можно скорее, — в нервной растерянности выпалила служанка, и в её глазах мелькнул тот самый панический блеск, какой бывает у птиц, загнанных в угол.

Я со скрипом поднялась, всё ещё не в восторге от этого, будто сама кровать цеплялась за меня, не желая отпускать в холодный рассвет. Но принялась за завтрак, продолжая думать, что можно делать двенадцать часов. Обычно, когда я собиралась дома на какую-нибудь вечеринку, у меня уходило на это не более трёх часов. Я успевала помыться, накраситься, одеться и сделать причёску. Вот теперь возникает вопрос: что всё это время планирует со мной делать служанка?

Я быстро позавтракала, и она отправила меня в ванную комнату. Тут же появились ещё несколько девушек. Они быстренько наполнили эту бадью водой — пар поднялся над поверхностью, клубясь, как призрачные облака, и окутывая всё вокруг влажной, душистой дымкой. Меня заставили погрузиться в неё. И приступили к работе.

Следующие два часа они меня мыли, шоркали, полоскали. До этого я и не подозревала, что была настолько грязной — по крайней мере, с их точки зрения. Они снова и снова что-то втирали в мою кожу, потом смывали, и так происходило несколько раз. То же самое они проделывали и с моими волосами: втирали сначала одну мазь, потом другую. Все они пахли поразному: одни отдавали запахом луговых трав, другие — тяжёлой сладостью восточных пряностей, третьи — терпкой свежестью хвои. Что-то смывалось сразу, что-то держали по несколько минут для лучшего впитывания. И, проведя все эти процедуры, мне казалось, что я стала настолько чистой, почти стерильной. Они так тщательно старались меня отмыть, что по коже бежали мурашки, а в груди сжималось что-то тревожное. Мне аж стало даже немного не по

себе. Но вот спустя два часа мытьё наконец-то закончилось. Меня завернули в большую простыню, мягкую, как облако, и попросили вернуться в комнату.

Уложили на кровать и сказали, что сейчас будут делать расслабляющий массаж. В этот момент я воспряла духом. Массаж я всегда любила. Следующие два часа я находилась просто в раю. Это было блаженство. В несколько рук они разминали мои уставшие и затёкшие мышцы. Хорошенько прошлись по ногам, рукам, спине. Даже помассировали голову. Я практически мурлыкала от удовольствия, чувствуя, как напряжение, копившееся неделями, медленно стекает вниз, растворяясь в тепле чужих ладоней. Ну вот, спустя два часа массаж подошёл к концу, а я бы так лежала, наверное, до самого вечера.

После массажа меня оставили полежать спокойно, чтобы кожа немного пришла в себя. Не стала возражать. Я даже дремать начала после такого расслабления. Тонкие лучи утреннего солнца пробирались сквозь щели в ставнях, ложась на пол золотистыми полосами, и казалось, что весь мир замер, затаив дыхание. Но спустя полчаса принесли обед. Сказали, что мне надо поесть, а потом продолжим сборы. После такого расслабляющего массажа есть совершенно не хотелось, но Дуня меня предупредила, что поесть я смогу только на балу и, скорее всего, будет только легкий перекус. Взглянув на время, поняла, что пообедать всё-таки необходимо, иначе до вечера я просто не доживу. Кое-как через силу впихнула в себя всё, что мне предложили.

Пересела на стул перед зеркалом. Его тут же закрыли плотной тканью, скрывая от меня собственное отражение, словно боялись, что один взгляд на себя разрушит всю магию предстоящих часов. Пришло ещё несколько девушек, и они занялись моим лицом. Часа полтора они колдовали над моим лицом, будто творили не макияж, а заклинание. Наносили маски на лицо, делали лёгкий освежающий массаж лица, увлажняя кожу. Потом приступили к макияжу. Не знаю, что они там колдовали, ведь если брать современный мир, то у нас есть тональные кремы, пудра, тушь, наборы теней разных цветов, подводочные карандаши. Здесь же вместо всего этого было всего несколько баночек. Одна — что-то между тональным кремом и пудрой, другая — чуть розовая, похожа на губную помаду, и ещё одна коробочка с маленькой щёточкой, в ней угадывалась тушь. И вот этими тремя баночками они умудрились наносить мне макияж в течение полутора часов, превращая каждый мазок в ритуал.

И так как время перевалило далеко за обед, а я всё ещё сидела в ночной рубашке, я поняла, что двенадцать часов — это не так уж много для сборов на бал. Потом они занялись моей причёской: укладывали, завивали, что-то подкалывали шпильками. К концу я поняла, что все волосы аккуратно были подняты кверху, образуя сложную, изящную конструкцию, в которой каждая прядь лежала на своём месте, словно ноты в идеально сыгранной мелодии. Но в зеркало мне посмотреться так и не дали.

Дуня принесла ворох одежды. Я уже знала, что это не на выбор — всё это придётся надеть разом. И тут началась отдельная для меня экзекуция. Сначала на меня одели нижнюю лёгкую, короткую сорочку, невесомую, как паутинка. Потом подъюбник с каркасом, напоминающим обручи. Поверх — белая юбка, расшитая по низу кружевами, которые шелестели при каждом движении, словно тихий шёпот. Сверху ещё одна юбка, но уже светло-розового цвета и тоже по низу расшитая кружевами. Затем на мне затянули корсет. Я попросила не утягивать сильно, и Дуня, как ни странно, пошла мне навстречу. И уже поверх всех слоев одежды на меня одели бордовое, расшитое драгоценными камнями платье. Оно было с длинными рукавами и V-образным вырезом. По низу вновь шли кружева, но уже тёмно-бордового цвета, тяжёлые и роскошные. Шею украшало богатое колье в тон платья, камни в нём мерцали, как застывшие капли крови, отражая свет сотен свечей.

И вот только после этого меня поставили перед зеркалом. Смотрела и не могла поверить своим глазам. Из зеркала смотрела совершенно незнакомая девушка. Она не была похожа на меня прежнюю, так как я любила довольно простую свободную одежду; она не была похожа и на предыдущую хозяйку этого тела. Та была молодая, уверенная в своей красоте, но доста-

точно юная особа. Теперь из зеркала на меня смотрела совершенно повзрослевшая и уверенная в себе женщина, и я говорю совсем не о внешности, а об облике в целом. Да, лицо было молодое. Но мой взгляд оставался достаточно взрослым и серьёзным. Макияж выгодно выделял мои глаза и чуть-чуть припухлые губы, что придавало лицу какую-то утончённость, но в то же время аристократичность. Платье подчёркивало все достоинства фигуры: за счёт корсета выгодно выделялась грудь, пышная юбка расширялась от талии, которая была достаточно тонкая. Цвет платья очень шёл мне, и поэтому, глядя в зеркало, я бы сказала, что передо мной стоит уверенная в себе королева. Ну, по крайней мере, я себя так ощущала. Перевела взгляд на часы и увидела, что время — без пятнадцати пять вечера. Оказывается, можно собираться на бал двенадцать часов подряд. Но своим обликом я всё же осталась довольна.

Спускалась по лестнице на первый этаж, где меня уже должен был ждать мой супруг. Он повернул голову, и, увидев меня, на мгновение просто застыл, будто время остановилось, а весь мир сжался до одной точки — до меня. Быстро спохватившись, подошёл, чтобы подать мне руку. Он ничего не сказал. Просто молча помог преодолеть оставшиеся ступеньки. Но, увидев в первые секунды его взгляд, точно знала: ему понравилось то, что он увидел, и даже очень. Мы молча дошли до кареты. Глеб помог мне в неё забраться, забрался следом, и мы тронулись в путь.

Я совсем не любовалась пейзажем за окном. Практически всю дорогу я смотрела на свои сцепленные руки, лежащие на коленях, и пыталась не выдать своего волнения. Предыдущая хозяйка тела очень любила балы и чувствовала на них себя вполне раскованно. Для меня это мероприятие состоится впервые, и я никак не могла совладать со своей нервозностью. А ещё и постоянная мысль, что, может быть, меня представят королю, доводила просто до неимоверной истерики, которую я старалась подавить как могла.

И вот спустя два часа мы подъехали к дворцу, вокруг которого стояло множество карет, похожих на чёрные жуки, застывшие в ожидании. Гости ходили между деревьями по парку, поднимались по лестнице. Из дверей доносилась приглашённая музыка — она лилась наружу, смешиваясь с вечерним воздухом, наполненным ароматом цветущих лип и предвкушением праздника. Наконец-то наша карета остановилась у крыльца. Подошёл лакей, открыл дверцу. Первым выбрался Глеб, подал мне руку. Я спустилась на землю со всей грацией, с которой только могла — ну, по крайней мере, мне так показалось.

Мы поднялись по мраморной лестнице и оказались в большом, светлом и просторном холле. Он блистал красотой и роскошью: позолота переливалась в свете тысяч свечей, зеркала отражали бесконечные ряды гостей, а воздух был напоён тонким ароматом духов и едва уловимым запахом воска. Я старалась лишний раз не привлекать к себе внимание, поэтому не смотрела по сторонам, делала вид, что я уже много раз видела роскошь дворца. Но сердце билось так громко, что казалось, будто его слышит весь зал.

Подходя к большому залу приёма, слуги распахнули перед нами дверь — она отозвалась глухим, торжественным скрипом, будто сама тяжесть веков приоткрывалась перед нами. Как только мы вошли, глашатай нас громко объявил:

— Его сиятельство Глеб Иванович Золотарёв и Её сиятельство Катерина Степановна Золотарёва!

Звук его голоса раскатился под сводами, и в тот же миг все, кто находились в зале, обернулись на нас. Я сразу почувствовала себя неуютно — будто на меня обрушился шквал взглядов, колючих и любопытных, как ледяные иглы. Чуть повела плечами, скидывая это наваждение, и ещё крепче вцепилась в изгиб локтя мужа. Он чинно следовал через зал, увлекая меня за собой, прямой и невозмутимый, словно высеченный из мрамора. И мне ничего не оставалось, как следовать за ним, ступая по узорчатому паркету, который мерцал в свете сотен свечей.

Искоса я поглядывала на присутствующих. Все дамы в пёстрых нарядных платьях, расшитых драгоценностями, не сводили с нас глаз, шушукались между собой, прикрываясь вее-

рами, будто тонкими кружевными щитами. Они будто препарировали меня, как лягушку на уроке биологии, — в их взглядах читался холодный, почти научный интерес. Каких усилий мне стоило сохранять внешнее спокойствие! В груди всё сжималось, а пальцы невольно впивались в ткань перчатки.

Мужчины окидывали меня сальными взглядами, но, встречаясь взглядом с графом, тут же отводили глаза, словно обжигались о его ледяной взор.

Граф целенаправленно вёл меня через всю толпу. Мы прошли практически весь зал и остановились у одной из колонн, украшенной позолоченной лепниной и резными виноградными лозами. Сиятельство тут же подхватил бокал у проходящего мимо официанта — хрусталь тонко звякнул о серебряный поднос — и медленно стал потягивать напиток, не сводя внимательного взгляда с зала. К нам стали подходить люди: здоровались, перекидывались ничего не значащими фразами, от которых в ушах звенело пустое эхо светской болтовни. Некоторых я узнавала по воспоминаниям настоящей Катерины, некоторых видела впервые — их лица сливались в пёструю мозаику, где каждый фрагмент был чуть искажён, будто отражён в кривом зеркале.

От постоянно сменяющихся лиц у меня уже начало рябить в глазах. Окидывая неспешным взглядом зал, я никак не могла понять, что именно в этом всём нравилось настоящей Катерине. По мне, так это было просто сборище высокопоставленных людей, которые пришли перемыть другим косточки. Может быть, именно эта часть бала ей и нравилась, но всё это было не для меня.

Я стояла со скучающим видом и просто не могла дождаться, когда это мероприятие закончится и мы отправимся домой. В воздухе витал тяжёлый аромат духов — смесь жасмина, амбры и чего-то пряного, почти удушающего, — он оседал на коже и заставлял морщиться. Я уже вообще не видела смысла в том, что провела в сборах столько времени: целый день собираешься, два часа трясёшься в карете, чтобы потом часа четыре стоять в нарядном платье и обсуждать людей. Бессмысленное занятие, как по мне. Я бы могла найти себе более достойное занятие — читать, гулять по саду, слушать дождь… Да что угодно, только не это.

Муж не спешил звать меня танцевать, поэтому ничего не оставалось, как смотреть на редкие танцующие парочки. Их силуэты скользили по залу, словно призраки в мерцающем свете канделябров. Большая часть гостей всё же стояла и шушукалась по углам, прячась в полутени, будто стыдясь собственной болтливости.

Тут мой взгляд упал на девушку, которая целенаправленно шла через весь зал к нам. Её платье из бледно-голубого шёлка струилось за ней, как утренний туман, а в волосах мерцала бриллиантовая заколка, отбрасывая крошечные радужные блики. Моё сердце пропустило удар. Это была никто иная, как лучшая подруга Катерины, — и вот встречи с ней я боялась больше всего на свете.

Она остановилась прямо перед нами и с милой улыбкой поприветствовала нас:

— Рада видеть тебя, Катерина, Глеб Иванович!

Мы синхронно ей кивнули. Повисла неловкая пауза, тяжёлая и звенящая, как натянутая струна. Обычно разговор начинала Катерина, озвучивая новые сплетни с той самой интонацией, в которой смешивались восторг и ехидство. Я, естественно, не спешила начинать говорить. Да и сплетен не слышала.

— Наконец-то ты решила посетить хоть одно мероприятие! Давно тебя не было видно на балах, — весело защебетала девушка, не сводя с меня пристального взгляда, в котором уже проскальзывало подозрение. — Мы так давно не общались, что я уже начала подозревать, что ты вычеркнула меня из списка своих подруг.

— Нет, что ты, просто семейная жизнь забирает у меня всё свободное время, — попыталась я быстро опровергнуть её предположение, стараясь, чтобы голос звучал легко, будто это была самая естественная вещь на свете.

— Насколько мне помнится, ты говорила, что ничего не сможет тебя отвлечь от таких мероприятий, как бал у короля во дворце, — искусственно улыбалась подруга, и в её улыбке уже не было прежней теплоты — только острый блеск любопытства.

— Я была слишком молода и очень многого ещё не понимала. Теперь я понимаю, что между семьёй и такими мероприятиями по большей части я буду выбирать семью, — отозвалась я как можно непринуждённее, но в груди уже поднималась волна раздражения.

— На тебя это совсем не похоже, — взгляд стал более подозрительным, будто она пыталась разглядеть за моей маской что-то скрытое, какую-то тайну.

— Но тем не менее за прошедшее время очень многое изменилось, и многое я осознала, — немного грубее, чем следовало, ответила я и чуть отвернулась в сторону, чтобы скрыть дрожь в пальцах.

Девушка замолчала, окинула меня ещё раз пристальным взглядом, словно пытаясь запечатлеть каждую черточку моего лица, и, не прощаясь, отошла в сторону, оставив после себя лёгкий шлейф духов и ощущение неловкости. Муж искоса посмотрел на меня, но промолчал.

— Что? — не выдержала я, чувствуя, как напряжение стягивает плечи тугим узлом.

— Да нет, ничего. Просто не ожидал, что ты действительно будешь вести себя как взрослый человек. Да ещё и так грубо отошлёшь свою подругу, — всё же пояснил он, и в его голосе прозвучала не насмешка, а скорее удивление, смешанное с чем-то похожим на уважение.

— Я же говорила тебе, что многое изменилось и многое я осознала. И вести теперь себя буду по-другому, — ответила я, не глядя на него, уставившись куда-то в пространство между колоннами.

— Очень надеюсь, что это не на пару дней, а на всю жизнь, — в голосе звучал вызов, но в нём уже не было прежнего холода — скорее ожидание, проверка.

— Я не буду сейчас тебе что-то доказывать. Если ты мне не поверил, то со временем увидишь, — я отвернулась, показывая, что разговор окончен, и вновь стала медленно изучать зал, чтобы хоть как-то убить скуку. Взгляд скользил по позолоте, по мерцанию свечей, по лицам, сливавшимся в одно размытое пятно.

Наконец музыка стихла, раздались фанфары, пронзительные и торжественные, и глашатай объявил выход короля:

— Его Величество король Сергий Осминов Третий и Её Величество королева Мария Осминова!

Королевская чета проследовала через весь зал и чинно опустилась на уже стоящие троны в зале на специальном постаменте. Тут же повисла тишина — та особенная, густая тишина, которая бывает только в присутствии власти, когда даже дыхание кажется слишком громким. Все склонили головы, приветствуя царскую семью. Король вновь поднялся, коротко приветствуя собравшихся:

— Дорогие гости, рад видеть вас в своём дворце. Бал в честь середины лета объявляю открытым!

Он протянул руку королеве — её пальцы, унизанные кольцами, легко легли на его ладонь. Они вышли в центр зала и открыли этот бал первым танцем. Их движения были безупречны, словно отрепетированы до последней доли секунды, и в этом совершенстве таилась своя угроза: здесь ценили не чувства, а умение держать лицо. Вскоре вслед за ними потянулись и другие гости. Парочки выходили на середину зала и, отдаваясь музыке, плавно вальсировали по кругу, их платья и фраки сливались в единый вихрь цвета и света.

Муж так и продолжал смотреть на всё вокруг и даже не собирался пригласить меня на танец. С одной стороны, меня это радовало — я боялась, что наступлю ему на ногу и опозорюсь, что мои неловкие движения станут поводом для новых сплетен. С другой стороны, мне было очень обидно, что он даже не предложил мне потанцевать. Никак не могла определиться,

обидеться на Глеба или нет, — обида царапала изнутри, но гордость не позволяла выдать эту слабость.

Вскоре танец короля и королевы закончился, они вновь вернулись к трону. Я, уже потеряв всякий интерес к этой публике, просто смотрела в пол, где узор паркета сплетался в бесконечный лабиринт, в котором легко было заблудиться. Спустя, наверное, полчаса король встал и удалился, его фигура растворилась в арочном проёме, словно тень.

К нам подошёл парень в ливрее — его мундир блестел от начищенных пуговиц, а взгляд был отстранённо-вежливым. Он пригласил нас на аудиенцию к королю. Мы прошли к противоположному выходу из зала, где воздух был чуть прохладнее и пах воском и старым деревом. Нас провели по длинному коридору, чьи стены были увешаны портретами предков — их глаза, казалось, следили за каждым нашим шагом. Наконец мы остановились у большой дубовой двери, тёмной и массивной, будто хранившей в себе все тайны дворца. Когда её распахнули, мы оказались в большой гостиной, которая, впрочем, больше походила на кабинет — с той лишь разницей, что здесь стоял длинный овальный стол, а к нему был подставлен стол чуть поменьше, за которым и восседал король.

Мы прошли к столу. Муж помог мне опуститься на стул — его прикосновение было кратким и сдержанным, как всегда. Сам он обошёл стол и сел напротив меня, выпрямившись, готовый к любому повороту событий.

— Ну что ж, я очень рад, Глеб Иванович, что вы посетили меня, — заговорил король с наигранной радостью, но в его улыбке таилась сталь. — Я хотел с вами обсудить два важных вопроса. Первый непосредственно касается Катерины Степановны.

Я напряглась, и вся внутренне подобралась, чувствуя, как холод пробегает по спине, словно ледяная капля. А Сергий Третий тем временем продолжал, глядя прямо мне в глаза с тем самым лукавством, от которого хотелось сжаться и исчезнуть:

— Не так давно ко мне в руки попало очень занимательное письмо. Обычно я не читаю почту — её разбирают специально доверенные люди, — но тут меня настоятельно просили его прочесть. В нём вы писали, как вы несчастливы в браке, и слёзно просили меня посодействовать вашему разводу.

Всё, что король говорил дальше, пролетело мимо меня. В голове начали всплывать обрывки воспоминаний, где Катерина после очередного неудачного побега была очень зла на мужа и села писать письмо королю — её рука дрожала от ярости, а чернила ложились на бумагу неровными, рваными строками.

Глава 4

Всё, что король говорил дальше, пролетело мимо меня. Так как в голове начали всплывать обрывки воспоминаний, где Катерина после очередного неудачного побега была очень зла на мужа и села писать письмо королю. Там она написала, как он над ней издевается, не даёт ей сделать и шага из дома, всё запрещает и вообще её выдали замуж далеко не по любви. Она даже родила наследника, но радости ей это не принесло. И вот она очень-очень просит развести её с мужем. И дать всё-таки хоть маленький, призрачный шанс на счастье.

Я так погрузилась в свои мысли, что даже не заметила, что король уже закончил говорить и просто выжидающе смотрел на меня. В его взгляде читалась не просто терпеливая внимательность — в нём сквозила тяжёлая, почти осязаемая власть, будто само пространство между нами уплотнилось от веса его решения. Перевела взгляд на мужа — он не предвещал мне ничего хорошего. Его лицо застыло, словно высеченное из холодного камня: ни намёка на сочувствие, ни тени понимания. Лишь жёсткая линия сжатой челюсти да едва заметное подрагивание жилки у виска выдавали бурю, бушевавшую внутри.

— Обычно я не занимаюсь такими делами, — вновь подал голос король. — Но уж больно меня ваше письмо впечатлило. Именно поэтому я не стал давать вам никакого ответа, а дождался бала, чтобы поговорить с вами лично. Выслушать и принять окончательное решение.

Тяжёлый бархат портьер в зале едва заметно колыхался от сквозняка, и этот тихий, почти неслышный шорох казался мне оглушительным в звенящей тишине. Я судорожно пыталась подобрать слова, чтобы хоть как-то оправдаться. Если я сейчас скажу, что мне развод не нужен, это будет выглядеть крайне глупо. Но и подтвердить своё намерение развестись я тоже не могу.

— Простите меня, Ваше Величество, — нервно и очень тихо залепетала я. — Я понимаю, что это выглядит крайне глупо с моей стороны, но вы же понимаете. Я молодая девушка. Мы немного поругались с мужем, и от злости я не смогла удержать свои эмоции под контролем. Вот и написала вам это письмо. Я не хочу развода и ещё раз прошу у вас прощения. Простите, что отняла столько времени своей несдержанностью. Впредь я буду очень осторожна и больше не допущу таких ошибок. Я всё осознала и хотела вернуть письмо обратно, чтобы оно не попало к вам в руки и не отнимало время на мою глупость. Но его уже отправили во дворец, и я просто не успела перехватить.

Голос мой дрожал, и каждая фраза, срываясь с губ, будто повисала в воздухе, тяжёлая и неуклюжая, как капля расплавленного воска, медленно стекающая по свече.

— Вы уверены, что вам не нужен развод? Ведь в принципе я готов посодействовать в этом, — приподняв бровь, король не сводил с меня пристального взгляда. Но я замечала, как изредка он бросал быстрые, косые и очень недовольные взгляды в сторону Глеба — в них мелькало что-то большее, чем простое раздражение: там таилась тень подозрения, словно король видел в моём муже не просто строптивого супруга, а угрозу, которую пока не решался назвать вслух.

— Да, Ваше Величество. Я очень сожалею, что я отвлекла вас и заставила заниматься моими даже не существующими проблемами. Я ещё раз прошу прощения и обещаю, что впредь такого больше не повторится, мы уладили все конфликты с мужем, и я не желаю разводиться, — мне кажется, что я уже повторяюсь. Но я просто не знаю, что ещё сказать, чтоб не навлечь гнев короля.

— Ну что ж, раз так, то будем считать это маленьким недоразумением. Но впредь, если мне в руки попадёт ещё одно ТАКОЕ письмо, я разведу вас незамедлительно и больше никакие отговорки слушать не буду, — очень строго высказался король. Постучав пальцами по столу — этот ритмичный, сухой стук отдавался у меня в висках, словно отсчитывая секунды моего спасения, — он резко сменил тему и тон. — Тогда перейдём ко второму вопросу. Ваш батюшка, Глеб Иванович, всё чаще заговаривает, что хочет отойти от дел и на своё место пророчит вас. Но, как вы сами понимаете, просто так я не принимаю таких решений. Мне как минимум нужно поближе с вами познакомиться. Посмотреть, на что вы способны, и вот тут как раз подвернулся тот случай, когда я хотел бы, так скажем, получить ваш совет, и уже исходя из него я подумаю, стоит ли вас назначать советником. Как вы знаете, один небезызвестный вам граф не так давно обанкротился: всё состояние проиграл, залез в большие долги и, когда уже не смог скрывать это, мне пришлось вмешаться. Часть его земель и домов отошла кредиторам, какая-то часть ушла с молотка, чтоб покрыть его долги. Но на его землях был торговый путь, и вот эти земли я уже никак не мог допустить, чтобы отошли кому попало. Их пришлось временно забрать в государственную казну, но, как вам известно, я не могу владеть торговыми путями. Поэтому этот земельный участок, по которому проходит мост через реку, мне надо как можно быстрее куда-то пристроить. Вот тут как раз я бы хотел послушать вашего совета. Может быть, вы посоветуете, кому эти земли передать? Или возьмёте их на себя? Земля особой ценности не представляет, а вот мост, через который проходят повозки, которые возят из города в город какие-то товары, очень даже представляет ценность. Но вы сами понимаете, что у нас мосты недолговечны. Месяц-три, и они приходят в негодность. Небезызвестный вам граф пытался

поддерживать его более-менее в приличном состоянии, но всё равно мост разрушался, а денег восстанавливать у него не было, и теперь по этому пути не могут проходить повозки. Им приходится делать достаточно большой круг, а мы теряем в деньгах, недополучаем пошлин с этого прохода. И вот я интересуюсь вашим мнением. Что вы мне посоветуете? Кому можно передать эту землю? Может быть, вы знаете, кто сможет восстановить мост и держать его в достаточном порядке? Чтобы пошлины стабильно приходили в казну. Или всё же возьмёте его на себя?

Я сидела, слушала речь короля и не могла понять: он действительно ждёт совета, чтобы кому-то передать землю, или всё-таки хочет заставить графа заняться этой землёй. А вот при слове «мост» мой внутренний трудоголик активировался. Ведь строительство — это моя прямая обязанность и, можно сказать, дело всей моей жизни. Я очень хотела посмотреть на мост. Меня смутило то, что они у них разрушаются через месяц или три: интересно, из чего они их строят? Из картона, что ли? Мне было настолько любопытно, что перед глазами уже рисовались чёткие схемы опор, расчёты нагрузок, подбор материалов — всё то, что я знала наизусть, как молитву.

Я смотрела то на короля, то на мужа. Король продолжал свою речь, а Глеб продолжал молчать. Его молчание было не просто тишиной — оно было тяжёлым, густым, как грозовая туча, нависшая над равниной. Я очень боялась влезть не в своё дело, но я просто обязана была заняться восстановлением этого моста. Не могу я сидеть просто так, сложа руки, без дела. Мне нужна эта работа, а тем более по специальности.

И как только король закончил речь и посмотрел на Глеба в ожидании ответа, я видела, как Глеб хмурится, что-то там просчитывает в голове, прикидывает. Как только он открыл рот, я решила: была не была, надо влезть первой, иначе работа уплывёт от меня быстрее, чем я успею моргнуть.

— Ваше Величество, извините, что влезаю, может быть, не в своё дело, но я знаю, что мой муж — добропорядочный человек, крайне честный и скромный. Вряд ли он может предложить свою кандидатуру. Скорее всего, он вам посоветует кого-то, и я даже уверена, что этот человек будет действительно в состоянии и отремонтировать мост, и заняться этими землями, чтобы оправдать ваши ожидания. Но всё же я хотела предложить в качестве этого человека своего мужа. Я уверяю, что он может смотреть за этими землями и вполне в состоянии отремонтировать мост, — принялась расхваливать Глеба. — Даже больше вам скажу, он сможет отремонтировать его, и мост будет служить лет пятнадцать, так уж точно. Не требуя повторных ремонтов.

После этих слов что король, что муж обернулись на меня и посмотрели таким удивлённым взглядом, как будто я им пообещала луну с неба достать. В глазах короля мелькнуло что-то похожее на азарт охотника, почуявшего редкую добычу, а в глазах Глеба — чистая, неприкрытая ярость, холодная и острая, как лезвие кинжала. Я даже на секунду растерялась. Думаю, мало ли, вдруг я сморозила какую-то глупость, но, прокрутив свои слова в голове, всё-таки пришла к выводу, что ничего сверхъестественного я не сказала.

Но король неожиданно заинтересовался.

— То бишь вы, Катерина Степановна, утверждаете, что Глеб Иванович готов отремонтировать мост и он будет действительно служить пятнадцать лет без разрушений и не будет требовать новых ремонтов? — вопросительно и крайне заинтересованно уточнил Сергий Третий.

— Да, я вполне уверена в этом, — всё же чётко ответила я.

— Поразительно! Просто поразительно! — король потирал бороду и, посмеиваясь с лукавством, смотрел на меня. — В нашем королевстве достаточно много земель, много торговых путей и порядка двадцати мостов — это точно. И вот ни один ещё не прослужил более трёх месяцев. А тут пятнадцать лет! Уже от одного этого заявления хочется передать земли Глебу Ивановичу и посмотреть, что из этого получится.

Граф с такой злостью зыркнул на меня, сжал кулаки до такой степени, что побелели костяшки, но промолчал. Хотя я видела, как на скулах заходили желваки, а вены на шее вздулись, словно натянутые струны. Я не понимала удивления и замешательства мужчин. Что такого я сказала? Я этим занималась каждый день и вполне успешно. Может быть, я чего-то не знаю о мире, в который попала, но, как показывают мои наблюдения, он не больно отличается от нашего средневековья. И не думаю, что постройка моста — это настолько сложная задача.

Поэтому я ещё раз поглубже вздохнула и с той же уверенностью вновь подтвердила:

— Да, я не сомневаюсь в способностях своего мужа. Он отремонтирует этот мост в течение двух месяцев, и служить он будет лет пятнадцать. Я, конечно, не могу сказать точно, не знаю, насколько часто проезжают по нему повозки, какая загруженность и грузоподъёмность этих повозок, но десять лет он простоит — это точно, — решила подстраховаться на всякий случай.

Муж стал ещё злее — его лицо потемнело, как небо перед бурей, а взгляд стал таким тяжёлым, что, казалось, мог бы пробить камень. А вот король — ещё веселее. В его глазах плясали озорные искры, будто он только что выиграл в какой-то хитроумной игре.

— Ну что ж, Катерина Степановна, вы меня действительно убедили. Решено! – хлопнул ладонями по столу. – Передаю управление этими землями Глебу Золотарёву, и через два месяца я бы хотела увидеть результаты работы. Ну, тогда мы и обсудим вашу должность моего советника. На этом аудиенцию считаю оконченной.

С этими словами король откинулся на спинку резного кресла, и в зале вдруг стало легче дышать — будто с моих плеч свалился огромный, давящий груз. Но где-то в глубине души я чувствовала, что это лишь начало, и впереди меня ждёт куда более тяжёлый труд — не только физический, но и тот, что измеряется не в тоннах камня и дерева, а в человеческих судьбах и королевских милостях.

Не сказал больше ни слова. Король встал и направился к дальней маленькой скрытой дверце — та тихо скрипнула, будто шепнула о тайнах, хранимых за ней веками. И уже только возле неё он обернулся и бросил:

— Но, если мои ожидания не оправдаются… Вы же знаете, что бывает за нарушение слова, данного королю?

И удалился, оставив после себя тяжёлый, звенящий в воздухе холодок угрозы.

Глеб быстро поднялся, схватил меня под руку и потащил на выход. В коридоре припечатал к стене — каменные плиты отозвались глухим эхом, а на коже проступил ледяной озноб от прикосновения шершавой кладки. Он злобно зашипел:

— Ты это сделала специально?! Ты хочешь окончательно меня растоптать и унизить?!

— Я ничего такого не хотела, — начала оправдываться. — Наоборот, хотела сделать одолжение, чтобы король остался тобой доволен.

— Ты издеваешься?! — повысил он голос и тут же, взяв себя в руки, заговорил тише, но в этой тишине чувствовалась ещё большая опасность, словно перед грозой, когда воздух становится густым и колючим. — Построить мост, который прослужит десять-пятнадцать лет. Ты на что вообще надеешься?!

— Это вполне реально.

— Я не знаю, что с тобой произошло. Ты, конечно, очень сильно изменилась, но мозгов у тебя, по-моему, не добавилось.

— Вот не надо сейчас меня оскорблять! — взвилась я. — Я делаю всё, чтобы нашей семье было гораздо лучше. Я пытаюсь исправить ошибки, которые совершила до этого. Я не пытаюсь тебя как-то унизить или оскорбить. Что такого, если мы отремонтируем мост, и ты будешь заниматься этими землями? Всем будет только лучше.

— Ты сказала «мы»? — недоверчиво переспросил он, и в его взгляде мелькнуло что-то уязвимое, почти детское, тут же спрятанное за привычной жёсткостью.

— Ну да. Если ты не возражаешь, я бы хотела тебе помочь.

— Боюсь представить твою помощь, — ехидно выплюнул граф. — Ты мне уже настолько помогла, что, если я не выполню данное тобой обещание и через два месяца не предоставлю королю на обозрение новый отремонтированный мост… Я даже не знаю, что со мной будет. Мнене то, что титула советника не видать — у меня отберут всё, что я имею. Я пойду просто по миру. Мою фамилию будут трепать на каждом углу, и мне придётся забиться в такую дыру, откуда лучше не вылезать до конца своей жизни. — Голос мужа стал сникать к концу речи, теряя привычную сталь и становясь тусклым, как потухший клинок. — Я сейчас не в состоянии принимать какие-либо взвешенные решения. Я пойду подышу, а ты возвращайся пока в зал.

На этих словах он просто развернулся и ушёл. Я проводила его взглядом, чувствуя, как внутри всё сжимается от беспомощности, и мне ничего не оставалось, как вернуться в бальный зал. Вошла и остановилась возле колонны: не хотела, чтобы меня заметили. Просто стояла неприметно сбоку и думала. Что я сделала не так? Почему он разозлился? Лениво окидывала зал, и уже не хотелось присутствовать на этом мероприятии. Фальшивые улыбки знати раздражали всё больше — они казались мне масками, натянутыми на лица, за которыми прятались хищные глаза и холодные сердца. Сейчас дождусь, когда вернётся Глеб, и попрошу его поехать домой. Всё это не для меня — я об этом знала, но лишний раз убедилась. Так погрузилась в свои мысли и бесцельно водила глазами, не останавливаясь ни на каком конкретном лице, что, когда мне на плечо легла рука, я вздрогнула от неожиданности и резко обернулась. Думая, что Глеб уже остыл и вернулся, но передо мной стоял Семён Раевский, небезызвестный мне барон, от которого были все несчастья у предыдущей хозяйки этого тела.

— Наконец-то ты осталась одна. Я так долго следил за тобой и ждал момента, чтобы мы смогли поговорить, но твой муж не отходил от тебя ни на шаг, — улыбался блондин, а улыбка была фальшивой, как и всё здесь, словно нарисованной на фарфоровой маске.

— Я тебя внимательно слушаю, — сложила руки на груди в защитном жесте, чувствуя, как по коже пробегает неприятный холодок.

- Я понимаю, что я в который раз поступил как трус. Прости меня. – Семен собирался положить руку мне на плече, но я отстранилась. – Я же знаю, что ты любишь меня. До меня дошли слухи, что граф собрался с тобой разводиться. Так или иначе мы всё-таки добились своего. И теперь у нас всё будет хорошо.

- Да неужели?! – С сарказмом выдавила я из себя.

- Ну конечно мы любим друг друга. Мы так долго шли к этому. Да иногда наши побеги не удавались и тебя возвращали обратно…

- Иногда? – Перебила я. – Всегда. – Припечатала злобным взглядом.

- Но я не переставал надеяться. Конечно, я боялся и отступал, но теперь всё будет по-другому. Теперь мы сможем быть вместе. Он подпишет развод, сошлёт тебя в дальнее поместье, назначит вполне приемлемое содержание и теперь мы точно будем вместе.

- Ты после этого на меня женишься. – Удивилась я и все же решила уточнить.

- Ну ты же понимаешь, жениться я не смогу. Всё-таки женщин в разводе практически не берут повторно в жены.

- Это не значит, что вообще никогда. Случаи были.

- Ну крайне редко. Отец ни за что не разрешит мне взять в жёны разведёнку.

Эти слова больно царапнули где-то глубоко внутри. С одной стороны, мне было на него глубоко плевать. Эти слова могли ранить лишь настоящую Катерину, но и даже мне было слышать их крайне неприятно.

— Но тем не менее, — тут же продолжил он, не заметив моего выражения лица. — Я смогу приезжать к тебе несколько раз в неделю, и мы всё-таки будем вместе. Мы ведь любим друг друга.

Он столько раз повторил о любви, словно пытался меня в этом убедить, а слова его звучали как заезженная пластинка, от которой только сильнее хотелось закрыть уши.

— Что ты всё заладил: «любим друг друга, любим друг друга». Я вообще сомневаюсь, что ты когда-нибудь меня любил. Знаешь, что вижу я сейчас? Ты хотел жениться на мне, чтобы повысить свой статус. Ты барон, а я графиня. Я выше тебя по статусу, и если бы нам разрешили пожениться, то ты стал бы графом и очень сильно взлетел. А ещё плюс моё приданое — то ты бы ещё и разбогател, но нам не разрешили пожениться, и тогда ты предложил убежать. Ты всё-таки надеялся, что после побега я буду опозорена и отцу ничего не останется, как только выдать меня за тебя замуж. Но меня каждый раз ловили и возвращали, и всё-таки выдали замуж за графа. А ты остался ни с чем. Но ты и тогда не остановился: ты добивался всеми возможными способами, чтобы меня бросил муж. И вместо того, чтобы теперь наконец-то жениться на мне, ты понимаешь, что отец лишит меня статуса графини, отберёт у меня всё, что только можно, и я останусь просто в маленьком поместье, которое мне выделит муж. Без рода и титула. Тебе уже не нужна такая жена, поэтому ты будешь держать меня в качестве любовницы, и вот это меня совсем не устраивает.

Семён открыл рот, чтоб опровергнуть моё заявление, но я остановила его движением руки. Хотелось как можно скорее покончить с этим разговором, и я продолжила:

— А ещё у меня есть к тебе парочка вопросов. Я убегала из дома отца, прихватив с собой кучу дорогих драгоценностей и дорогих платьев. Ты ушёл их продавать, чтобы нам было на что жить. В итоге ты не вернулся — меня забрали домой. Потом я убегала от мужа и тоже забирала с собой драгоценности и дорогие платья, и ты снова брал их, чтобы продать и нам было на что вместе жить какое-то время. И вот теперь закономерный вопрос: где деньги с проданных вещей или сами вещи и драгоценности?

Глава 5

— Катерина, ты вообще о чём? Какие вещи? Как ты можешь говорить сейчас о таких мелочах? Мы любим друг друга. Мы хотели быть вместе. Какие деньги, о чём ты говоришь? Я тебя вообще не узнаю и не понимаю, почему ты цепляешься за какие-то мелочи, когда решается наша судьба.

Его голос звучал так, будто он искренне не понимал, как можно придавать значение чему-то материальному, когда речь идёт о «великой любви», и от этого диссонанса становилось только противнее.

— Это далеко не мелочи. Ты очень неплохо поимел с моего, так скажем, не совсем приданого, но тем не менее ты всё это забрал себе. Неизвестно, то ли всё у тебя хранится, то ли ты уже успел потратить. И тут решается не наша судьба, а конкретно моя. Меня очень заботит, что со мной будет дальше. Из всего, что ты мне сейчас сказал, я могу сделать лишь один вывод: нам с тобой больше не по пути. Я останусь с мужем. Никакого развода не будет.

— Ты меня больше не любишь? — в растерянности спросил он, и впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на настоящую эмоцию, а не на привычную маску.

— Да, я тебя больше не люблю. Я тебе больше скажу: ты меня вообще никогда не любил. Но знаешь, просто так всё это оставить я тоже не могу. Так что всё, что я тебе отдала при каждом из своих побегов, либо ты мне возвращаешь, либо отдаёшь деньги, полученные с продажи этих вещей. Срок у тебя — неделя. И вот после этого я больше никогда не желаю тебя видеть. Если мы будем где-то пересекаться на балах — никогда не подходи ко мне и не заговаривай со мной. А вот если ты в течение недели не вернёшь мне всё, принадлежащее мне по праву, я сделаю всё возможное, чтобы тебя наказать. Поверь мне, я пойду до конца. Я обвиню тебя в краже или в вымогательстве, но ты очень дорого заплатишь за потерянные пять лет моей жизни, которой у меня из-за тебя не было. Всё ясно?!

— Катерина, что с тобой? — он был крайне озадачен, словно передо мной стоял не тот человек, который столько лет манипулировал чувствами Катерины. Барон сам сомневался, что видит Катерину, а не другую девушку.

— Со мной как раз-таки всё в порядке. Можешь считать, что я повзрослела. Время пошло. Я даю тебе ровно неделю.

После этих слов я развернулась и пошла через весь зал в другом направлении. Мне очень хотелось оказаться как можно дальше от этого мерзкого, скользкого типа. Я не понимаю, что нашла в нём Катерина, но это просто слизняк, и никакая красивая мордашка его совсем не красит. Находясь уже на середине зала, я заметила, что на противоположной стороне стоит Глеб и сверлит меня злобным взглядом. Я так понимаю, он видел, что я разговаривала с бароном. Даже боюсь представить, что он себе надумал. Ведь я обещала никогда больше с ним не встречаться. Иначе при разводе я не получу ничего. Вот разводиться я вообще не собираюсь. Я хочу попробовать наладить с ним отношения. Хоть какие-то. Мозг начал судорожно искать оправдание данной ситуации и не находил. Что бы я сейчас ни сказала, всё будет казаться ложью.

Дошла до него и тяжело вздохнула:

— Вижу, ты уже практически успокоился, — сказала, делая вид, что не замечаю его гнева. Хотя по его лицу видно, что он далеко не спокоен. Его взгляд прожигал насквозь, словно в нём тлел угль, готовый вспыхнуть в любой момент. — Может быть, поедем домой? Я устала от этого шума.

— Как скажешь, — прошипел сквозь стиснутые зубы.

Достаточно больно подхватил меня под локоть и повёл на выход из зала. Мы сели в карету и тронулись в путь. Всю дорогу Глеб молчал и сверлил меня злобным взглядом, а тишина между нами была такой плотной, что её можно было резать ножом. Не стала оправдываться. Понимала, что это бесполезно, а с другой стороны, я даже не могла подобрать слов. Не буду же я ему пересказывать, что я отшила барона и заставила вернуть все мои вещи. Это выглядело бы глупо и крайне подозрительно. Поэтому я просто сидела молча и ждала, когда мы вернёмся и я смогу закрыться в своей комнате. Когда я уже была на грани, чтобы заговорить и начать оправдываться, мы всё же подъехали к поместью графа. Я выбралась сама, не дожидаясь, пока граф поможет мне спуститься. Практически бегом направилась к своей комнате, но только закрыв за собой дверь, я смогла выдохнуть. Постояла немного и приняла решение, что пора готовиться ко сну, а со всеми претензиями своего мужа разберусь завтра. Стянула с себя платье, все эти подъюбники, корсеты, и когда всё это упало к моим ногам, просто выдохнула от облегчения. Позвала Дуню, попросила, чтобы мне наполнили ванну. Очень долго лежала, отмокала в воде и приводила мысли в порядок. Вода вообще хорошо смывает всё беспокойство. Тёплая гладь обволакивала, унося с собой напряжение дня, а мышцы постепенно расслаблялись, голова наполнялась пустотой. Вылезла, вытерлась подобием полотенца, которое больше похоже на простыню. Надела ночную рубашку до пят и пошла в комнату. Опустилась на кровать, залезла под мягкое, толстое одеяло и постепенно начала проваливаться в сон.

Сквозь сон я услышала, как открывается дверь. Приоткрыв глаза, увидела: граф стоял в пороге и осматривал комнату. Заметив меня, лежащую на кровати, прикрыл за собой дверь и медленной походкой, чуть покачиваясь, стал приближаться ко мне. Я затаилась, пристально за ним наблюдая. Глядя на нетвёрдые шаги, создалось впечатление, что он изрядно выпивший. Он медленно приблизился к кровати и опустился на край. Я лежала с закрытыми глазами, притворяясь спящей. Он протянул руку и убрал локон с моего лица, заправил его мне за ухо. В этот момент я распахнула глаза.

— Чем он лучше меня? — неожиданно задал граф вопрос. Я даже не сразу поняла, о ком идёт речь, зато почувствовала запах алкоголя — горький, тяжёлый, смешивающийся с его привычным запахом кожи и пряных духов.

— Я не понимаю, о чём ты, — решила уйти от ответа.

— Всё ты прекрасно понимаешь. Я видел, как вы мило ворковали.

— Вовсе мы не ворковали. Это был последний наш разговор. Просто надо было прояснить несколько моментов, — попыталась оправдаться.

— Ну да, конечно, — усмехнулся муж. — Считай, что я тебе поверил. Ты постоянно бегаешь к нему. Прошло пять лет! Пять грёбаных лет с нашей свадьбы!!! Но ничего за это время не изменилось. Ты постоянно убегаешь. Ты ищешь с ним встреч. Сколько можно? Сколько это будет продолжаться? — Глеб начал повышать голос. Ему не нужны были ответы, он просто хотел выговориться, а слова лились из него, как кипяток из треснувшего чайника, обжигая всё вокруг. — Что в нём такого, чего нет во мне?! Я простил тебе всё! И ваши побеги до свадьбы, и то, что ты подарила ему невинность. Я пять лет ходил вокруг тебя кругами. Я не тронул тебя ни разу после брачной ночи. Я всё ждал. Ждал, когда же ты сама проявишь желание. Но такое впечатление, что этот день никогда не настанет. А я всё-таки мужчина! Я тебе ни разу не изменял! Я терпел. Я всё прощал, потому что любил тебя. А ты всё время только вытирала об меня ноги. Всегда стремилась уйти к нему. Тебе наплевать на меня, на сына, на всё плевать! Лишь бы быть с ним.

— Это неправда! На сына мне не наплевать. Я тебе говорила, несколько дней твердила: верни ребёнка домой. Что касается барона, то это действительно была последняя наша встреча. Он мне кое-что задолжал и должен это вернуть. Больше общаться я с ним не намерена. И доказывать тебе это я тоже не планирую.

— Всё это одни лишь отговорки. Ты всегда выбирала его. Чтобы я ни делал. Просто ответь мне: что в нём такого, чего нет во мне? Я делал многое. Я для тебя пытался измениться. Для тебя, ради тебя, но всё бесполезно. Скажи, что мне надо изменить, чтобы ты наконец полюбила меня и забыла его?

В его голосе слышалась такая боль, что она проникала под кожу, царапая изнутри, и чисто по-человечески мне было его жаль. Мало кто сможет выдержать так долго.

— Ничего тебе не надо с собой делать, — тихо сказала я.

— Тогда почему ты всё время бегаешь к нему и ищешь встречи?

— Этот разговор начинает меня утомлять. Мы ходим по одному и тому же кругу. Давай поговорим об этом завтра, когда ты будешь трезвым, — попыталась выпроводить его, чтоб не накалять обстановку.

— Я и сейчас не сильно пьян. Я хочу получить ответы сейчас, сию же секунду.

— Что ты от меня хочешь услышать? Просто скажи, что ты хочешь от меня сейчас услышать, и я обещаю, что это скажу.

— Я хочу услышать, чем он лучше меня и когда всё это закончится?

Я немного помолчала, собираясь с мыслями, а потом со вздохом, в котором слышалась вся тяжесть этих пяти лет, ответила:

— Он ничем не лучше тебя. И закончилось это сегодня.

— Хочешь сказать, что теперь мы будем жить как настоящая семья?

Я немного помолчала, но всё же ответила:

— Да. Теперь мы будем жить, как настоящая семья.

— Что-то слабо в это верится, — хмыкнул Глеб, и в его голосе прозвучала такая усталость, что она отозвалась где-то внутри меня глухой, ноющей болью.

— Я не знаю, как тебе это доказать, но это так.

— Раз ты говоришь, что теперь мы настоящая семья, значит, я имею полное право исполнить супружеский долг, — и он гаденько так мне улыбнулся, а в этой улыбке мелькнуло что-то хищное, словно он наконец-то нашёл рычаг давления, и теперь собирался им воспользоваться. Началась провокация.

Я затаила дыхание. Мне стало немного не по себе — словно воздух в комнате вдруг сгустился, стал тяжёлым и душным, будто сама атмосфера давила на грудь. Я понимаю, конечно,

что пятилетнее воздержание — это много. Но я ещё не готова. И объяснить ему этого я уже не могу. Объяснить, что я совершенно другой человек, и не привыкла ложиться в постель с незнакомым мне мужчиной. Тем более только что пообещала ему настоящую семью. Пока в моей голове рождались вопросы, ответы, противоречия, сплетаясь в тугой клубок, время будто замедлило свой бег.

Глеб уже начал действовать. Сбросил с меня одеяло — тот тихий шорох ткани прозвучал в тишине комнаты как роковой щелчок. Он навалился сверху, и я приоткрыла рот от неожиданности. Но даже не успела ничего сказать. Он тут же закрыл мне рот жадным поцелуем — горячим, настойчивым, словно пытался стереть все мои сомнения одним движением.

Я лежала неподвижно и не знала, что мне делать. С одной стороны, я не хотела отвечать на поцелуй, но и лежать бревном как-то тоже неудобно. В моей голове начало появляться ещё больше мыслей, от чего я погружалась в себя всё сильнее, словно пыталась укрыться в собственной внутренней тишине от всего происходящего.

Лишь на периферии сознания я улавливала, что его руки начали блуждать по моему телу. Граф медленно задирал мою ночную рубашку, а я всё пыталась выстроить линию своего поведения. То ли ответить, то ли всё-таки выгнать его из комнаты. Ткань скользила по коже, и каждый миллиметр обнажаемой кожи будто становился чужеродным, непривычным, словно я теряла частичку своей защиты.

Он оторвался от моих губ и проложил дорожку поцелуев от шеи к ключице. Тонкая кожа под губами вздрагивала, отзываясь лёгкой дрожью. Я начала анализировать свои ощущения. По воспоминаниям настоящей Катерины, я знала, что первая брачная ночь далась ей очень тяжело. Её буквально тошнило от его прикосновений. Было крайне неприятно и омерзительно, но я не ощущала ничего подобного. Ласки были вполне приятные — не скажу, что я уже завелась, но и отвращение явно не испытывала.

Тем временем Граф продолжал исследовать руками моё тело, ночная рубашка уже была сброшена на пол, где легла бесформенной тенью, словно сброшенная маска. Я лежала полностью голая и чувствовала неловкость от этой ситуации — будто оказалась на сцене перед невидимой толпой зрителей, и каждый взгляд прожигал кожу. Одной рукой он обхватил мою грудь и слегка сжал — это отдалось лёгкой истомой в теле, волной, прокатившейся от кончиков пальцев до самой глубины живота. Свободной рукой он сорвал с себя камзол и рубашку, отбрасывая в сторону.

Увидев мужской торс, я напряглась ещё сильнее. Он был очень хорош. Загорелое подтянутое тело отливало тёплым оттенком, словно впитало в себя солнечный свет. Видно, что он занимается спортом либо тяжёлым трудом. На животе были красиво очерченные кубики, на груди ни одного волоска — кожа казалась гладкой, почти фарфоровой, но в то же время твёрдой, как камень. Так и хотелось прикоснуться к нему, но я сдерживала в себе этот порыв, сжимая пальцы в кулаки, чтобы не поддаться внезапному желанию. Постоянно повторяя, что я не знаю этого мужчину.

Пока в моей голове шла борьба — ответить всё же или остановить его, — Глеб уже успел избавиться от своих брюк, и теперь мы оба обнажённые лежали в кровати. Он продолжал покрывать моё тело поцелуями, его руки были везде одновременно, словно пытались запомнить каждый изгиб, каждую линию. Я не успевала замечать, какую часть тела он ласкает в этот раз. Он снова вернулся губами к моему лицу. Поцелуи были страстные, жадные, нетерпеливые, а я всё равно продолжала лежать неподвижно, не отвечала на его поцелуй, будто боялась, что одно движение сломает хрупкую грань между «до» и «после».

Граф развёл коленом мои ноги и пристроился между ними. Я затаила дыхание, если сейчас он овладеет мной, назад дороги уже не будет. Только оттолкнуть так просто я его уже не могла — сила, скрытая в его движениях, была слишком ощутима, слишком реальна. Все мои ощущения сконцентрировались в этот момент на происходящем, будто весь мир сжался до

одной точки, до одного мгновения. Он одним резким движением вошёл в меня. От такого острого ощущения я подавилась воздухом — мир на секунду померк, а затем вспыхнул яркими, резкими красками. Не только он пять лет ждал Катерину, но и у этого тела не было близости ни с кем. Во мне было настолько узко, что я ощущала каждую венку на его возбуждённом органе, каждую неровность, словно тело пыталось запомнить этот момент навсегда. Он замер, давая мне время привыкнуть, и в этой тишине я слышала только бешеный стук своего сердца, отдававшийся в ушах, как барабанный бой.

— Моя… ты только моя… не отдам… никому не отдам, — шептал он как в бреду, покрывая моё лицо и шею поцелуями. Его дыхание смешивалось с моим, становясь единым ритмом, который я не могла ни принять, ни отвергнуть.

Проложил дорожку влажных поцелуев-укусов к груди и взял горошину соска зубами, чуть поигрывая с ним языком. Стал неспешно двигаться во мне, с периодичностью увеличивая темп. В какой-то момент моё тело начало поддаваться на его ласки. Всё же молодое, гормоны в нём бушуют, а мозг упорно продолжал отрицать. Это двоякое чувство просто разрывало — как будто внутри меня боролись две женщины: одна хотела поддаться, раствориться в ощущениях, другая цеплялась за остатки самоконтроля, за привычные устои, за ту жизнь, которую она знала раньше.

Мне захотелось прикоснуться к мужу, провести руками по его плечам, зарыться в волосы, всё же ответить на поцелуй. Но внутренняя часть меня продолжала сопротивляться. Ведь мои устои и воспитание, вложенное годами, тоже не могли в одночасье куда-то исчезнуть. Вместо прикосновений я вцепилась руками в простыни, и ткань под пальцами казалась единственным якорем, единственной реальностью, за которую можно было держаться. Я пыталась подавить в себе судорожный вздох, но он всё равно прорывался наружу, смешиваясь с тихими стонами, которые я не могла сдержать.

Каждый раз, когда Граф увеличивал темп, сдерживаться становилось всё сложнее. Несколько стонов всё же сорвались с моих губ, и они прозвучали в тишине комнаты как признание, как капитуляция перед собственными ощущениями. Внизу живота всё скручивалось в тугой узел, и я понимала, что медленно, но верно подхожу к финалу. Граф уже просто вколачивался в меня с неимоверной скоростью, и его движения становились всё более резкими, всё более отчаянными. Он получил свою разрядку раньше. И, скорее всего, из-за того, что я продолжала лежать бревном, не стал больше ничего делать, лишь скатился с меня и лёг рядом, тяжело дыша, словно после долгого бега.

Вскоре его дыхание выровнялось и замедлилось, он уснул, и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая только тихим шорохом простыней и редким скрипом кровати. Тихо поднялась с кровати, взяла ночную сорочку и вновь надела её. Ткань скользнула по коже, возвращая ощущение защищённости, пусть и иллюзорной. Подняла одеяло, укрылась, отодвинулась от мужа как можно дальше на край кровати, где воздух казался чище, свободнее, и через какое-то время тоже провалилась в сон, уносясь в тёмную пустоту, где не было ни мыслей, ни сомнений.

Утром разбудил меня настойчивый солнечный лучик, который проникал сквозь окно и светил мне в глаза, словно маленький золотой кинжал. Потянулась, в теле была приятная нега, разливающаяся по мышцам, как тёплый мёд, но, когда начал работать мозг, вспомнила, чем закончился вечер. Резко открыла глаза. В постели я была одна. Этот факт меня немного успокоил — как будто отсутствие его тела рядом снимало часть напряжения, часть той тяжести, которая осела на плечах ночью. И уже более размеренно и спокойно начала всё обдумывать, позволяя мыслям течь медленнее, не спеша накрывать меня новой волной тревоги.

Потихоньку поднялась с кровати, прошла в ванную, сделала все утренние процедуры. Вода, стекавшая по коже, смывала остатки ночи, но не могла стереть воспоминания. Дуня так и не явилась в мои покои. Глянув на часы, осознала, что время давно уже приближается к обеду.

Стало даже интересно, почему служанка пренебрегла своими обязанностями и не пришла разбудить. Не говоря уже о завтраке.

Нашла в шкафу самое простое платье и оделась сама, ощущая непривычную свободу в этом простом действии — будто даже сама способность застегнуть пуговицы возвращала мне частичку контроля над жизнью. Выглянула в коридор — там было тихо, лишь редкие тени скользили по стенам, отбрасываемые солнечными лучами. Тогда вышла и отправилась на поиски своей служанки. Дуня нашлась на кухне — среди запахов свежего хлеба и кипящего молока, в окружении суеты и привычного домашнего шума.

— Доброе утро, Ваше Сиятельство. Вы уже проснулись? — первой отозвалась она, её голос прозвучал как глоток свежего воздуха, как возвращение к чему-то нормальному, обыденному.

— Да, и удивительно, что не обнаружила тебя.

— Прошу прощения, но Граф распорядился не будить вас. Сказал дать вам поспать после вчерашнего тяжёлого дня. Сказал, что завтрак нужно будет подать попозже.

— Ну хорошо, раз распорядился, то ладно. Тогда я жду завтрак.

После этих слов развернулась и вернулась к себе в покои, где тишина казалась теперь не гнетущей, а почти уютной. Спустя буквально пять минут в комнату вошла Дуня с подносом в руках. Я съела кашу, вкуса которой так и не почувствовала — она казалась просто тёплой массой, не имеющей ни цвета, ни запаха, ни значения. Выпила чай, ощущая, как тепло разливается по груди, но не приносит ни утешения, ни ясности. В голове было множество вопросов, которые посещали меня и вчера вечером, и сегодня утром, сплетаясь в сложный узор, который я пока не знала, как распутать.

Глава 6

После завтрака служанка помогла мне переодеться в более достойное платье, с её слов. И я отправилась на поиски мужа. Мне было стыдно смотреть ему в глаза после случившегося, но избегать его не было никакого смысла. Немного поколебавшись у дверей кабинета, всё же решила сделать вид, будто ничего не произошло. Постучавшись, толкнула створку двери, прошла в кабинет и опустилась в кресло напротив Глеба.

— Доброе утро, — с улыбкой поприветствовала я мужа, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо, но в груди всё равно трепетала неловкость, словно натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Доброе, — ответил он, настороженно смотря мне в глаза. В его взгляде читалась смесь тревоги и сдержанного любопытства — будто он пытался прочесть между строк то, что я так старательно прятала.

— Вижу, ты уже работаешь.

— Да, разбираю накопившиеся документы.

— Это, конечно, прекрасно. Как насчёт моста, который мы должны отремонтировать?

— А что с ним?

— Я думала, мы сегодня поедем на него посмотреть.

— Почему именно сегодня? — удивился граф.

— Чем быстрее мы увидим фронт работы, тем быстрее мы приступим к его ремонту. Это же очевидно. Мы так-то ещё не знаем, сколько потребуется времени на ремонт. В каком он состоянии? Следует начать как можно раньше, чтобы наверняка уложиться в сроки.

— Ну хорошо, я распоряжусь насчёт кареты, после обеда выдвинемся в путь, — всё же согласился муж.

— Вот и договорились.

Я встала и направилась к двери. Он проводил меня взглядом, и, когда я уже практически вышла, всё же спросил:

— Ты даже ничего не скажешь по поводу случившегося вчера?

— А что вчера случилось? Про барона я тебя уже всё сказала. Это была последняя встреча, больше не вижу смысла что-либо выяснять, — проговорив скороговоркой, быстро вышла и закрыла за собой дверь.

Конечно, понимаю, что он имел в виду совсем другое, но не была готова разговаривать на эту тему. Остаток времени до отъезда я провела в своей комнате. Там же и пообедала, после чего явилась Дуня и сказала, что граф ждёт меня у кареты.

Я вышла на улицу. Солнце уже поднялось высоко, заливая двор тёплым золотистым светом, а воздух был напоён ароматом свежескошенной травы и едва уловимым запахом дыма из деревенских печей. Глеб помог мне сесть в карету, забрался следом, и мы тронулись в путь.

Ехали примерно столько же, сколько и до дворца, но только в обратном направлении. В этот раз я была более спокойной и даже изредка выглядывала в окно, ничего особо примечательного не заметила. Природа была такая же, как и на Земле: поля, изредка разбавленные лесами. Проезжали какую-то деревеньку — небольшие домики, аккуратненькие улицы, ничего примечательного, обычная деревня. Крыши из потемневшей от времени соломы, заборы из грубо обтёсанных жердей, у одного из дворов — старая яблоня, склонившая ветви почти до земли, будто уставшая от тяжести собственных плодов.

Потеряв интерес к окружающему миру, погрузилась в свои мысли. Вновь и вновь прокручивала произошедшую ночь. Задаваясь вопросом раз, я пообещала быть обычной семьёй, а Глеб сразу приступил к исполнению супружеского долга. Как часто теперь это будет происходить? Хотелось бы всё же немного узнать мужчину. Может, тогда я смогу отдаться чувствам. В идеале, конечно, хотелось бы, чтобы я полюбила его, а он меня, но допускаю мысль, что хотя бы привыкнуть к нему что ли.

Из размышлений меня вырвал голос графа:

— Приехали.

Он вышел из кареты и подал мне руку. Ухватившись за неё, я спрыгнула с подножки и огляделась вокруг. Насколько хватало взгляда, были только поля — бескрайние, слегка колышущиеся под лёгким ветром, словно золотистое море. Даже не сразу заметила речку: она была не такой уж широкой — на вскидку два-три метра, не больше. Вода текла неторопливо, лениво обтекая редкие камни, выступающие из глади, и отражала в себе бледно-голубое небо, будто хранила в себе кусочек небесной тишины.

— А где же мост? Он что, совсем сломался? Его нет? — удивилась я.

— Почему же? Он на месте, пойдём, покажу.

Мы подошли поближе к берегу, и только тогда я разглядела это «произведение искусства». От увиденного я потеряла дар речи. Встала в ступор. Первые пять минут просто бездумно пялилась на эту конструкцию. Что могу сказать? За годы своей работы я повидала многое, но такое вижу впервые. Даже не знаю, как это описать. Если бы не знала, что это мост, по которому ездят кареты и повозки, перевозящие продовольствие, в жизни не догадалась бы, что это. Это не то, что не похоже на мост — оно не похоже вообще ни на что.

От одного берега до другого на самой воде лежали три здоровенных бревна, связанных между собой верёвками. Поверх них поперёк уже покороче лежали брёвна, напиленные приблизительно по полтора метра, и тоже связаны между собой верёвками, и были закреплены на краю берегов. И вся эта шаткая конструкция качалась на волнах, словно живое существо, неуверенно балансирующее на грани падения.

Смотрела и не могла подобрать слов, чтобы что-то спросить или сказать. Единственное, что я знала наверняка: его надо не ремонтировать, а строить заново. Убирать всю эту конструкцию и выстраивать полноценный каркас, и на него уже укладывать доски.

Оторвавшись от созерцания этого безобразия, прикидывала на глаз расстояние между берегами. Стоя здесь, на берегу, я поняла, что у меня даже рулетки нет или чего-то подобного, чтобы замерить расстояние.

— Какая глубина у этой речки? — спросила у мужа.

— Приблизительно полтора метра от края воды до дна.

Ещё раз окинула взглядом пространство. Выходило следующее: глубина — полтора метра, от воды до края берега ещё приблизительно полметра, получается высота — два метра. От берега до берега, если посчитать по брёвнам и прикинуть их ширину, выходило где-то два с половиной метра. Присмотрелась к карете: приблизительно рассчитывая её ширину. Ширина была метра полтора.

— А какова ширина повозки?

— Практически такая же, как у кареты, может быть, чуть шире. Но расстояние между колёсами идентичное.

Я посмотрела на колёса кареты: навскидку между ними метр-метр двадцать. Ещё раз окинула взглядом речушку и развернулась в сторону кареты.

— Поехали домой, — говорила, направляясь к дверце.

— Что так быстро?

— А что ещё здесь делать? Всё, что надо, я уже увидела. Всё, что хотела, спросила. У меня будет ещё парочка вопросов, но их уже можно будет обсудить по дороге к дому.

Глеб пристально посмотрел на меня, направился к экипажу, так ничего и не сказав. Мы расположились на сиденьях напротив друг друга. Я решила начать уточнять некоторые детали.

— Где-то поблизости есть кузница?

— Да, конечно. В деревне, которую мы проезжали. Она находится как раз посередине пути, между нашим домом и проездом.

— Это хорошо. Где изготавливают мебель?

— Ближайший деревянщик живёт в этой же деревне и там же занимается своим делом, — муж отвечал чётко и по существу.

— Замечательно. Значит, можно будет всё заказать в одном месте, — обрадовалась я.

— Не знаю, что ты собралась заказывать, но звучит это странно.

— Почему же?

— Ну, во-первых, я совсем не понимаю, зачем тебе кузнец. Не особо понимаю, что ты хочешь получить у деревянщика. Он занимается изготовлением мебели. Если тебе нужны брёвна, то тогда надо ехать на заготовку, а они находятся далеко от нас — примерно часов пять езды в обратную сторону от нашего поместья.

— Но деревянщик же где-то берёт материал, — насторожилась я.

— Да, ему привозят готовые доски. Только вряд ли они подойдут для ремонта моста. Брёвна не выдерживают больше трёх месяцев, а доски тем более уплывут раньше.

— Ну это смотря как строить, — возразила, задрав голову.

— Не знаю, как собираешься строить ты, спорить не буду. У меня вообще нет подобного опыта, как, собственно, и у тебя, — хотела заявить, что опыт у меня большой, но вовремя прикусила язык. — Я всю жизнь занимался землями, следил за деревнями, управлял финансами, но опыта в строительстве у меня нет.

— И как же ты тогда собирался ремонтировать мост? — вопрос вылетел раньше, чем я успела обдумать, стоит ли его задавать.

— Я планировал нанять рабочих, которые в этом разбираются, и уже они бы мне сказали, сколько и какого материала им понадобится. Но тут ты внезапно решила заняться этим вопросом сама. Я не буду тебя отговаривать. Предоставлю такую возможность.

— То есть ты хочешь сказать, что ты позволяешь мне заняться ремонтом? Я потрачу на это время, деньги, а если у меня ничего не получится, что тогда будет? — его ответ откровенно поразил.

— Я знаю, что ремонт требует всего пару недель, а то и меньше. Если у тебя ничего не выйдет, то думаю, что до конца срока я успею сделать хоть что-то. Вряд ли, конечно, мост прослужит десять или пятнадцать лет, с этим уже придётся отдельно разбираться. Очень надеюсь, что король не сильно будет лютовать. Надеюсь, что оставит мне хотя бы титул и часть моих собственных земель, — он немного помолчал и продолжил: — Если у нас ничего не выйдет, я прекрасно это понимал. Ещё в самом начале, но так как ты ему уже пообещала, а я знаю характер короля… Он хотел предоставить нам возможность, и думаю, он тоже понимает, что это невыполнимая задача. Поэтому надеюсь, что наказание не будет слишком строгим. — повторил он тихо, и в этих словах прозвучала не просто надежда, а горькое смирение человека, привыкшего принимать удары судьбы с прямой спиной.

— Я тебя вообще не понимаю, — его спокойствие не укладывалось у меня в голове. — Ты считаешь, что построить нормальный мост невозможно, и тем не менее ты не стал встревать в разговор между мной и Сергеем Третьим. Просто молча нас слушал и уже заранее готовился к наказанию?

— Ну что-то в этом роде.

— Мне это очень странно слышать. Если бы я понимала, что не смогу исполнить того, что за меня обещают другие, я бы не стала сидеть молча и ждать, когда меня за это накажут. Я бы сразу отказалась выполнять данные условия.

— Ты моя жена, поэтому я не стал встревать в ваш разговор. Тем более что бы я ни сказал на тот момент, всё было бы бесполезно. Король разозлился на нас ещё из-за ситуации с письмом. А когда ты начала говорить про ремонт моста… Да ещё обещать то, чего раньше никто не делал. Ему было в тот момент только на руку. Он ни за что бы не отказался.

— Почему?

— Потому что в любом случае он получит то, что желает. Это будет либо уникальный мост, которого ещё ни у кого и никогда не было, либо он отведёт душу при наказании.

— Всё это звучит очень даже страшно. Единственное, что меня успокаивает в этот момент, так это то, что наказания не будет. Мост в любом случае я построю, и король будет рад увиденному.

— Слушаю, как ты уверенно говоришь об этом, и немного успокаиваюсь. Мне будет очень приятно узнать, что я миновал наказание короля. Поэтому всё, что тебе будет надо, я предоставлю.

— Вот за это спасибо. Вот на этом и договорились. И у меня есть ещё один вопрос. А чем крепится пол в нашем поместье?

— Нашем?.. — переспросил он и тут же отмахнулся. — Хотя неважно, — не стал он заострять внимание на моей, так скажем, оговорке и продолжил: — Пол в поместье деревянный, как, впрочем, всё поместье в целом, и крепится он штырями со шляпкой.

«Штырь со шляпкой?» — подумала я про себя. Буду надеяться, что это гвоздь.

— Хорошо, — произнесла вслух. — Тогда, как вернёмся, отправлюсь в библиотеку и приступлю к чертежам будущего моста.

— Не буду тебе мешать.

Как только мы вернулись, я тут же пошла в библиотеку. Там был удобный диван и небольшой столик, на котором лежали писчие принадлежности: стопка бумаги, чернильница с пером, на которую я посмотрела ещё в первый день пребывания здесь и обошла её стороной. Даже не представляю, как они этим пишут. Поэтому выбрала для себя вариант попроще. Рядом лежало подобие карандаша — небольшой уголёк с одной стороны заострённый, а другая обмотана плотной бумагой, видать, для удобства держания, и чтобы не испачкать руки.

В комнате царил особый библиотечный запах — смесь старой бумаги, воска и едва уловимого аромата лаванды, которым, видимо, перекладывали книги, чтобы уберечь их от моли. Сквозь высокие окна лился мягкий вечерний свет, ложась золотистыми прямоугольниками на пол и подчёркивая тонкую пыль, кружившуюся в воздухе, словно крошечные звёзды, застывшие в танце.

Я разложила перед собой несколько листов и приступила к действиям. Сначала я зарисовала весь мост целиком и как он будет выглядеть, прописала там все нужные мне размеры. А уже на отдельных листах начала зарисовывать отдельные детали, чтобы было проще объяснить кузнецу, что от него требуется.

Спустя несколько часов всё было готово. Передо мной лежал чертёж готового моста и несколько листов с отдельно выведенными деталями. Нам понадобится два уголка длиной три метра, стороны у него будут приблизительно по пять-шесть сантиметров. На определённом расстоянии попрошу сделать отверстия. Ещё мне понадобится три планки также длиной три метра — так же с отверстиями.

Сам мост я решила сделать шириной два метра, чтобы кареты и повозки проезжали не впритык и боялись сорваться, а достаточно свободно, имея расстояние, чтобы немного отклониться от траектории движения. Сам мост будет длиной три метра, чтобы прочно и удобно закрепить его на обоих берегах. Жаль, конечно, что здесь нет свай или бетона, придётся выкручиваться как-то по-другому. Повозки, думаю, не такие тяжёлые, как наши грузовые машины, поэтому железные подпорки должны выдержать нагрузку.

По бокам, с расстоянием где-то полметра, встанут подпорки — они будут длиной два метра тридцать сантиметров, таких нам нужно будет четыре штуки. По центру встанут две, но повыше, чтобы закрепить ещё и что-то наподобие перил. Значит, мне нужны две детали длиной три метра. Ещё для поручней понадобится четыре планки, которые будут стоять на берегу, их длина будет метр тридцать. Верхняя и средняя поперечные планки для поручней — три метра, их будет четыре штуки из каркаса. Кажется, всё. Расстояние до каждого отверстия я прописала. Буду показывать и уже наглядно на бумаге объяснять кузнецу.

Что касается досок: если они будут сантиметров тридцать шириной, то нам понадобится всего десять штук. Надеюсь, что в этом мире есть дуб. Из деревьев — это самая прочная древесина. Она прослужит гораздо дольше. Боялась, вдруг здесь он и существует, но называется подругому. Я зарисовала листочек и жёлудь, чтобы просто показать, сославшись на свою недалёкость, и попросить доски именно этого дерева. Пока буду выкручиваться так. Необходимо как можно скорее изучить всю ботанику. Я пока не смогла выделить для этого время. Законы казались важнее.

Да и ещё вернёмся снова к кузнецу. Я забыла про гвозди. Так. Надо пересчитать все отверстия и заказать определённое количество определённых размеров. Крепление самих планок будет на гвозди потолще и подлиннее, и таких мне понадобится всего десять. Интересно, что у них тут есть из инструментов? Я думаю, что молоток найдётся, а про кувалду надо узнать, чтобы вколачивать подпорки. Если не найдут, то кузнецу придётся её изготовить, ведь от своей задумки отступать я не намерена.

Мне и так очень жалко, что здесь нет шурупов, гаек и болтов — было бы куда проще всё это закрепить, а так придётся вставлять гвозди и загибать их молотком и кувалдой, чтобы они хоть как-то держались. Если гвоздь в дерево вбить можно, то в железо уже проблематичнее. Я представляю, как будут удивлены рабочие, когда я буду объяснять, что от них требуется.

Кстати, насчёт рабочих. Сколько же мне их попросить? Думаю, человек шесть вполне достаточно, чтобы построить не такой уж большой и выдающийся мост.

Закончила я уже поздним вечером. Тени в библиотеке стали длинными и густыми, словно чернила, разлившиеся по полу, а свет от свечи дрожал, рисуя причудливые узоры на стенах.

Я собрала аккуратно всё в стопочку и забрала с собой в свою комнату. Меня уже ждала Дуня и поздний ужин.

Быстро затолкав в себя всё, что мне принесли, даже не разбираясь, что это. Главное — вкусно, съедобно, остальное неважно. Надо хорошенько выспаться. Завтра утром пойду шокировать мужа. Надеюсь, что сегодня он ко мне не заглянет.

Дуня помогла мне сделать все процедуры и приготовиться ко сну. Удобно устроившись в кровати, с улыбкой закрыла глаза. Ещё один удивительный день в этом удивительном мире подошёл к концу, оставив после себя шлейф планов, сомнений и тихой надежды на то, что завтра всё получится.

Глава 7

Утром я проснулась раньше, чем меня разбудила служанка. Солнце ещё только поднималось из-за горизонта, окрашивая небо в нежные персиково-розовые тона, а я была полна сил и готова к новым свершениям. Лучи, пробиваясь сквозь тонкие льняные занавески, ложились на пол золотистыми квадратами, словно приглашая скорее начать день. Поэтому я собиралась в одиночестве и просто сидела в ожидании завтрака, прислушиваясь к тишине дома — редкой, почти драгоценной, когда все ещё спят, и кажется, что весь мир принадлежит только тебе.

После того, как подкрепилась, направилась в кабинет к мужу. Уже по сложившейся традиции постучалась, дождалась приглашения, вошла и опустилась на кресло напротив.

— Доброе утро, — лучезарно улыбнулась.

— Доброе, — отозвался он.

— Я вчера всё подготовила, и можем, в принципе, ехать заказывать материалы.

— Что из материалов тебе понадобится?

— Вот у меня тут всё записано и зарисовано. С кузнецом буду разговаривать, чтобы наглядно можно было объяснить всё, что хочу. В принципе, не так уж и много нам понадобится.

Я разложила перед ним листы, но с готовым мостом лист придержала у себя.

— Всего шесть рабочих? — спросил, беря в руки чертежи. — Обычно для постройки моста требуется не менее пятнадцати рабочих: всё же тяжёлые брёвна таскать — не так уж легко.

— Ну тогда можно восемь, но не думаю, что больше. Там, в принципе, не слишком сложно, и тяжёлых брёвен у меня в чертежах нет.

— Вот это я как раз уже заметил. Что это за странные… я даже не знаю, как это назвать… рейки, что ли?

— Нет, всё, что ты видишь на чертежах, — это всё из металла.

— Ты хочешь сказать, что ты собралась строить железный мост? — Его брови поползли вверх.

— Именно так. Он будет гораздо прочнее и продержится дольше.

— Ты не понимаешь, наверное, но если брёвна держатся на воде, то железо просто утонет, — смешно было наблюдать, как граф пытается объяснить мне простые истины, будто перед ним не взрослая женщина, а ребёнок, впервые увидевший реку.

— В том-то и дело, что на воде он не будет. Он будет над водой, и, поверь мне, никуда не утонет.

— Ну ладно, хорошо, — быстро сдался Глеб. — Я говорил уже, что не буду вмешиваться и просто позволю тебе делать то, что ты хочешь. Когда ты желаешь всё это заказать?

— В принципе, можно сегодня. Потому что я не знаю, сколько понадобится времени кузнецу на изготовление всего, что я тут нарисовала.

— Тогда после обеда и поедем.

— А зачем ждать? В принципе же ехать не так далеко. Может быть, мы сейчас съездим? К обеду уже успеем вернуться.

— Ладно. Пойдём, но придётся подождать, пока подготовят карету.

Мы направились вниз, и в течение двадцати минут карета уже была готова. Ещё час у нас ушёл на дорогу. Я прижимала к груди свои чертежи, как что-то самое ценное на свете, чувствуя, как под пальцами шуршит плотная бумага, а в груди трепещет предвкушение — будто держу не листы с линиями, а саму возможность изменить этот мир хоть чуточку к лучшему. И вот мы остановились у кузницы.

Глеб помог мне выбраться из кареты, и мы проследовали внутрь. Жар кузницы окутал нас, как плотное шерстяное одеяло, а запах раскалённого металла и дыма въедался в одежду и кожу, напоминая о настоящей, грубой работе, где всё решают руки и умение.

— Здравствуй, Прохор. У нас к тебе тут дело с моей супругой. Познакомься: это Катерина Степановна.

— Очень приятно познакомиться, ваше сиятельство. Рад видеть вас в моей скромной обители, — кивнул кузнец, и в его взгляде мелькнуло любопытство, смешанное с настороженностью — как у человека, привыкшего к простым заказам и вдруг получившего нечто совершенно необычное.

— Здравствуйте. Нам король поручил одно дело — ремонт моста. Тут недалеко, в часе езды отсюда, где проходит торговый путь, — пыталась объяснить местоположение, сама не знаю зачем.

— Да-да, я знаю эту дорогу, но ей давно уже никто не ездит. Потому что мост там разрушился, — поддержал он разговор. — Это, конечно, замечательно, что вы его собираетесь восстанавливать, только не понимаю, чем я могу вам помочь.

— Вот как раз вы мне очень можете помочь, — заверила со всей серьёзностью. — Вот взгляните, я зарисовала кое-что. Я бы хотела заказать у вас эти детали и узнать, сколько вам понадобится времени на их изготовление.

— Ну давайте посмотрим, — по взгляду кузнеца, который он бросил на моего мужа, я сразу поняла, что он тоже не в восторге от того, что я собираюсь строить железный мост. В его глазах читалось тихое недоумение: зачем ломать устоявшийся порядок, если веками строили из дерева?

— Мне нужны будут две детали углом, они должны быть длиной три метра, потом плоские… В принципе, тут всё нарисовано, и размеры все указаны. И в них должны быть отверстия: я прописала, сколько штук нужно каждой детали, и отверстия должны быть в строго обозначенных размером местах. Это крайне важно! Чтобы не было расхождения даже на полмиллиметра.

— Я понимаю. Всё сделаю в точности согласно вашим чертежам. Тут всё достаточно подробно указано, нарисовано, всё подписано. Количество деталей достаточно много, думаю, недели за четыре я управлюсь.

— Четыре недели, ладно, хорошо. Думаю, мы уложимся в срок. Ну что ж, на этом всё тогда. Встретимся через четыре недели.

— Всего доброго, ваше сиятельство, — попрощался со мной кузнец, и в его голосе прозвучала почти отеческая забота, будто он провожал не графиню, а собственную дочь, собравшуюся в дальнюю и не самую безопасную дорогу.

Глеб задержался, чтобы обсудить стоимость и сроки оплаты. Когда он вышел, лицо у него было озадаченным.

— Что-то случилось? — тут же насторожилась.

— Да нет, всё хорошо. Всё будет сделано в срок, который он сказал. Просто он тоже в замешательстве от твоей затеи. И меня всё больше это волнует.

— Можешь ни о чём не переживать. Всё будет в порядке. Я тебе гарантирую, что мост будет готов в срок и он будет такой, как нужно.

— Только твоя уверенность и помогает мне, — он посмотрел на меня, и мне показалось, что во взгляде промелькнула теплота — редкая, едва уловимая, как первый солнечный луч после долгой метели.

— Не знаю даже, почему я тебе настолько доверяю. Надеюсь, что ты не подведёшь.

— Можешь быть спокоен.

Так как деревянщик находился не так далеко от кузницы, это расстояние мы преодолели пешком. Пыль дороги мягко оседала на туфли, а тёплый ветер шевелил пряди волос, выбившиеся из причёски, напоминая, что, несмотря на все титулы и обязанности, я всё ещё просто женщина, которой приятно чувствовать солнце на коже и ветер в волосах. И вот, когда мы подошли к нужному нам зданию, мужчина как раз находился на крыльце.

— Добрый день, Петро, — вновь поздоровался первым мой муж.

— Здравствуйте, ваша сиятельство. Чем могу вам помочь? Проходите, проходите, не стесняйтесь.

— Да мы к тебе сделать заказ. Вот, познакомься: моя жена, Екатерина Степановна.

— Рад встрече, ваше сиятельство. Слушаю вас.

— Мне нужны доски — десять штук, размером два метра длинной, а шириной тридцать сантиметров. Можете такие изготовить?

— Да, в принципе у меня даже несколько есть приблизительно такого размера. Ну подогнать не так уж долго. А какое конкретно дерево вас интересует?

— А вот тут я точно вам не подскажу. Мне нужно самое крепкое дерево, которое у вас имеется. Я зарисовала кое-что: видела дерево, у него вот такой вот листочек и вот такие вот плоды. Говорят, что оно самое крепкое из всех, что растут. Вы знаете, что это за дерево?

— Да, конечно, я встречал это дерево. Но нечасто с ним работаю, так как действительно оно самое крепкое, и не каждому по карману заказывать из него мебель. А что конкретно надо будет делать из таких крепких досок?

— О нет, делать ничего не надо. Мне нужны просто доски, но определённого размера и ширины.

— Ну хорошо, я могу заказать у тех, у кого заказываю себе материал. Могу просто дать вам адрес, и вы закажете без меня, — предложил деревянщик, и в его словах прозвучала привычная бережливость мастера, который не хочет брать на себя лишнюю ответственность.

— Нет, закажите вы, а мы заберём уже у вас. Мы сделали заказ кузнецу. Через четыре недели мы приедем забирать. Было бы удобно забрать тогда сразу и у вас готовые доски.

— Да, конечно, как скажете. Тем более что за четыре недели я вполне успею всё подготовить.

— Хорошо, спасибо. Тогда до встречи через месяц.

И вновь я вышла, а мой муж задержался, чтобы обговорить оплату.

И уже к обеду, как я и думала, мы вернулись домой.

Договариваться с рабочими взял на себя Глеб. Он пообещал, что к нужному времени восемь рабочих будут. Теперь оставалось просто ждать.

Не знаю почему, но сына домой граф возвращать пока не собирался. Всё время на этот вопрос лишь отмалчивался. Не стала на него давить: думаю, что пройдёт неделя, может быть, чуть побольше, и он всё-таки поймёт, что я изменилась, и решит вернуть сына домой.

Месяц ожидания тянулся не слишком быстро и не слишком медленно. Я была предоставлена сама себе. По вечерам Глеб Иванович меня больше не посещал, что меня всё-таки больше радовало, чем огорчало. Периодически мы встречались в особняке и проводили короткие и ничего не значащие беседы. Но по большей части он меня всё же избегал. Наши встречи были не такие частые, может быть, раз-два в день: мы перекидывались ничего не значащими фра-

зами, словно боялись сказать лишнее слово, которое могло бы разрушить хрупкое равновесие, установившееся, между нами. Большую часть времени я проводила в библиотеке. Перечитала всё, что мне было интересно. Изучила мир, его строение. Всё, как и предполагала, тут было практически точной копией Земли, с разницей лишь в том, что развитие было только в самом начале. Поэтому я углубилась в художественную литературу, чтоб хоть как-то убить время.

Единственной неожиданностью стало в этом ожидании то, что я совсем забыла про барона. А вот он мои угрозы воспринял всерьёз. По истечении недели всё же решил вернуть деньги, но не приехал лично, а передал с посыльным.

Я отдыхала в комнате, когда ко мне неожиданно ворвался Глеб. Его глаза просто метали молнии, а лицо пылало от гнева, будто в жилах вместо крови бурлил расплавленный металл. Он был весь красный от злости, постоянно сжимал кулаки и тряс каким-то мешочком, внутри которого что-то позвякивало. Приблизился к кровати и просто швырнул этот мешок на неё.

— Что это всё значит? — зашипел, как змея, изрядно меня напугав. Не привыкла я к такому.

— Ты о чём? — спросила, пытаясь успокоить колотящееся с перепугу сердце, которое билось так громко, что, казалось, его слышал весь дом.

— Только что от нашего дома отъехал посыльный, он передал вот этот мешочек с деньгами от Семёна Раевского, сказал, что это для тебя.

Я аккуратно развязала шнурок и заглянула в него. Там были золотые монеты с профилем Сергия Третьего. Не знаю, сколько точно, но мешочек был достаточно внушительным, и тяжесть золота неприятно холодила пальцы, словно напоминая о тёмной стороне этого подарка.

— А почему ты злишься? — осведомилась с самым невинным лицом, на которое была способна.

— Почему я злюсь?! Любовник передаёт тебе баснословные деньги, а я должен воспринимать это спокойно?! — граф всё больше распалялся, и его голос эхом отдавался в высоких потолках комнаты, заставляя дрожать даже хрустальные подвески на люстре.

— Ну, во-первых, он мне не любовник, — как я устала оправдываться за то, чего не делала. — Во-вторых, он просто вернул то, что принадлежит мне по праву.

— И с каких это пор у него находятся твои деньги? А главное — откуда они?

— Ты действительно хочешь, чтобы я начала тебе это объяснять? — со вздохом спросила я и опустилась на кровать, чувствуя, как усталость накатывает тяжёлой волной, смывая остатки сил.

— Да! Я желаю знать, что между вами происходит до сих пор!!! Хотя ты мне уже дважды пообещала, что у вас всё кончено.

— Ну хорошо, — сдалась я. — Ты прекрасно знаешь, что я неоднократно пыталась с ним сбежать. И парочку из побегов я брала драгоценности и платья, чтобы продать.

— Зачем? — опешил муж.

— Чтобы были деньги на первое время.

— Аааа… — усмехнулся Глеб. — Так он не просто собирался с тобой бежать. Он собирался ещё и жить за твой счёт. У меня просто нет слов, — он качал разочарованно головой, и в этот момент я увидела в нём не грозного графа, а просто уставшего мужчину, которому слишком часто приходилось сталкиваться с обманом и предательством.

— Ну давай и не будем вдаваться в подробности, — я хотела как можно быстрее закрыть эту неприятную тему. — Объясню кратко. Он забирал вещи и продавал их, но так как меня ловили и возвращали, всё оставалось у него. На балу я сказала, что, между нами, всё кончено и он просто обязан вернуть то, что принадлежит мне, пригрозила наказанием. Я, честно говоря, уже и забыла об этом. Нууу, как видишь, он напугался и всё-таки вернул мне моё имущество.

— Я даже не знаю, что сказать, — граф растерянно смотрел на меня, и в его взгляде читалась смесь недоверия и надежды — словно он хотел поверить, но боялся снова ошибиться.

— Ничего не говори. Давай забудем обо всём, — попросила, заглядывая ему в глаза, стараясь вложить в этот взгляд всю свою искренность.

— Хорошо. Будем считать, что я снова тебе поверил, — сдался муж и вроде успокоился.

Я просто отвернулась к окну, чтобы не продолжать этот бессмысленный разговор. За стеклом сад тихо дремал под полуденным солнцем, и эта мирная картина казалась насмешкой над бурей, бушевавшей в нашей комнате. Понимала, что Глебу нужно время, чтоб всё обдумать и успокоиться окончательно. Решила не давить на него. Он ещё немного потоптался на месте и всё же покинул мою комнату.

Почему всегда, когда кажется, что вроде вот-вот, между нами, какая-то тоненькая, но ниточка всё-таки протянулась, происходит что-то такое, что переворачивает всё вверх дном. Муж начинает злиться на меня с новой силой. Неужели он за это время так и не заметил разницы между мной и настоящей Катериной? Или настолько устал от её выходок, что просто не пытается даже заметить, что я очень сильно от неё отличаюсь? Он, наверное, строить мост мне разрешил только потому, что надеялся: пока я буду занята, у меня не будет времени строить планы о побегах. Даже не удивлюсь, узнав, что это действительно правда.

Следующие три недели прошли спокойно. Последние дни я просто не могла дождаться, когда же наконец я приступлю к своей любимой работе.

Вот этот день настал!

С самого утра поехали в кузницу. До обеда время пролетело незаметно. Пока добирались, пока обговаривали всё. Глеб расплачивался с кузнецом, забирал всё у деревянщика, он расплатился и с ним. Потом грузили всё в повозки, чтоб доставить до назначенного места. Рабочие уже должны были ожидать нас там. Я в предвкушении потирала ручки. Скоро-скоро начнётся! Очень скоро! Я аж пританцовывала от счастья. Оказывается, я так соскучилась по работе. Кто бы мог подумать. А было ведь время, когда я, уставшая, с такой неохотой шла на работу и мечтала побывать в отпуске, чтоб хоть немного отдохнуть. Зато теперь я бы отдала всё, лишь бы работать каждый день. Маяться дома от безделья мне настолько надоело. Даже не представляю, как так жить. Сейчас дни будут пролетать быстро, в хлопотах, пока мост будет возводиться. Что я буду делать потом? Может быть, меня назначат главным строителем, и я буду ездить по империи и отстраивать все мосты, которые тут есть? Это, конечно, лишь мечты. Скорее всего, мою задумку примут во внимание. Соберут аккуратненько все чертежи и начнут распространять их в массы. Надо было узнать, есть ли у них тут патенты. Я бы не отказалась запатентовать своё изобретение. Глядишь, какая-никакая, а всё-таки денежка своя.

И вот мы наконец-то добрались до места. Рабочие сразу стали выгружать материал, странно на него поглядывая. Ну, я в принципе уже привыкла. Поняла, что такого никогда не видели и даже не представляют, что им предстоит сейчас сделать. После того как всё это разложили на берегу, они озадаченно смотрели на Глеба Ивановича и ждали разъяснений. Он не спешил начинать что-то говорить. Перевёл вопросительный взгляд на меня и тоже ожидал дальнейших действий.

Я глубоко вздохнула, расправила плечи, и начала объяснять, что от них требуется. Спустя час разъяснений не обошлось, конечно, и без препирательства. Каждый норовил со мной поспорить, доказать свою точку зрения, объяснить, что моя задумка — это просто бесполезная трата времени, сил и материалов. Настояла на своём. В итоге под моим чутким руководством разложили первые основные заготовки и принялись за дело.

Так полетели дни.

В принципе, по моим подсчётам, закончить должны были в течение недели. Не так уж и много нам нужно было сделать. Больше тратили на то, что рабочие не понимали, для чего и зачем им нужно каждое действие. Мне постоянно приходилось чуть ли не с криком доказывать свою правоту. В какой-то момент Глеб перестал просто наблюдать со стороны и лишь один

раз сказал, что они должны слушать меня и делать всё беспрекословно. Вот тогда дело пошло гораздо быстрее.

На третий день работы я стояла на берегу, указывая руками, что им делать — когда надо подсоединять, вбивать и собирать, — а воздух дрожал от зноя, будто сам мир плавился под безжалостным солнцем. Всё-таки середина лета давала о себе знать: горячий ветер срывал с реки мелкие брызги и тут же сушил их на лету, а раскалённый песок прожигал даже сквозь подошвы ботинок. Над водой висела тонкая пелена пара, и казалось, что берег вот-вот растворится в этой дрожащей дымке.

В какой-то момент у меня закружилась голова — словно пространство качнулось, как палуба корабля в шторм, и звуки — крики рабочих, скрип досок, плеск волн — стали глухими, далёкими, будто доносились сквозь толщу воды. Я потеряла равновесие и чуть не упала в воду.

Даже не поняла, как мой муж оказался рядом со мной, но он подхватил меня — крепко, уверенно, будто знал, что этот миг неизбежен. Его рука была твёрдой и тёплой, и от этого простого прикосновения туман в голове начал понемногу рассеиваться. Когда пелена перед глазами стала тоньше, и я смогла снова различать очертания предметов, я подняла на него растерянный взгляд.

— Что с тобой? Тебе плохо? Ты переутомилась? — завалил меня вопросами муж, в его голосе смешались тревога и раздражение на самого себя за то, что не заметил раньше, как мне тяжело. — Может быть, отвести тебя домой? Думаю, мужики и без тебя сегодня справятся. Основное ты им объяснила.

— Не знаю, — растерялась я, чувствуя, как слабость тянет вниз, словно мокрая ткань. В горле пересохло, а перед глазами ещё мелькали тёмные круги, будто от вспышки яркого света. — Может, действительно стоит поехать домой. Я с самого утра чувствую себя не очень хорошо.

Мы быстро распрощались с рабочими. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в густые золотисто-розовые тона, и длинные тени легли на доски, придавая всей стройке вид застывшей картины. Я дала последние указания, стараясь говорить твёрдо, хотя голос всё равно звучал чуть тише обычного, и сказала, что, как доделают то, что я сказала, на сегодня их рабочий день может быть окончен.

Глава 8

Мы направились домой. Всю дорогу Глеб не сводил с меня взгляда. Такое впечатление, что он оценивал, не стало ли мне хуже или лучше. В его глазах застыла напряжённая, почти болезненная сосредоточенность — словно он пытался прочесть по моим чертам малейшие признаки надвигающейся беды. Как только мы приехали в поместье, он тут же распорядился вызвать лекаря. Я пыталась его отговорить, говорила, что это небольшое головокружение и не стоит разводить панику, но тем не менее он настоял на своём.

Через час в моей комнате появился лекарь. Тяжёлые шаги его звучали глухо по паркету, а запах травяных настоек и камфары, исходивший от его дорожного саквояжа, сразу наполнил комнату терпким, чуть горьковатым духом. Он принялся меня осматривать, проверил пульс, послушал дыхание, задал несколько вопросов и в принципе был готов согласиться со мной, что это просто небольшое переутомление. Как вдруг неожиданно повернулся и задал мне вопрос, от которого я растерялась.

— Когда последний раз у вас были женские дни?

Вот тут я зависла. С тех пор, как я оказалась в этом мире, лично у меня их не было. А вот когда они были у настоящей Катерины — большой вопрос. Но, исходя из того, что у неё ни с кем и ничего уже давно не было, то единственное объяснение отсутствия этих дней — это наша ночь с мужем. Ничего не придумав лучше, я сказала, что не помню.

— Может быть, вы скажете хотя бы приблизительно?

Ещё немного подумала и решила назвать дату навскидку.

— Последние пять недель точно не было.

Тогда врач ощупал живот, и вынес свой вердикт.

— Ваше Сиятельство, вы ждёте ребёнка! — радостно оповестил лекарь, и в его голосе прозвучала та особая торжественность, с какой люди произносят слова, способные перевернуть чью-то судьбу.

Я, честно говоря, даже не знала, что и думать. Первые секунды просто растерялась. Хотя уже и без него знала ответ на этот вопрос. И буквально уже через минуту точно знала, что я рада. Осталось только уговорить вернуть в поместье сына, и я буду рада вдвойне. Закончив осмотр и собрав все свои приборчики в чемоданчик, доктор пригласил в мою комнату Глеба.

— Ваше Сиятельство, я осмотрел Катерину Степановну. Могу с уверенностью сказать, что с ней всё в порядке. Её здоровью ничего не угрожает.

— Почему же тогда у неё кружилась голова? Всё-таки она переутомилась.

— Нет. Головокружение у неё было по совершенно другой причине. Екатерина Степановна ждёт ребёнка! — со всей торжественностью выдал лекарь.

Я смотрела на Глеба, не отрываясь. Хотела понять, будет ли он рад этому известию. Первые секунды действительно на его лице была радость, но уже через каких-то несколько секунд пришло осознание. Он встретился со мной взглядом. Тогда я увидела панический страх и ужас в его глазах. Сначала я растерялась, а потом ко мне пришло осознание: он вспомнил первую беременность Катерины. И я так полагаю, сейчас в его голове всплывают эти воспоминания. Муж во всех красках представляет, что ему придётся пережить ещё раз девять месяцев ада. Прям явственно вижу, как отражается в его глазах осознание, что ему придётся за мной бегать по пятам, не спать по ночам и следить, как бы я что с собой не сотворила. Именно в этот момент я поняла, что он до сих пор мне не верит. И вот этот месяц, который мы прожили бок о бок, ничего для него не изменил. Глеб всё так же боится, что я сбегу, и всё так же не верит, что я изменилась. В душе стало грустно. Ведь я постепенно стала привыкать к нему. Прониклась симпатией, уважением и, может быть, даже где-то прямо совсем немного, но начинает появляться влюблённость. Пусть небольшая, лёгкая влюблённость, которая со временем перерастёт в крепкую любовь. И вот тут я отчётливо осознаю, что если даже у меня это перерастёт в любовь, то у него — не факт. Катерина сделала всё, чтоб убить его любовь на корню. Не понимаю, зачем он всё-таки отказался от развода и не стал меня заставлять, принуждать подписывать документы, а продолжил со мной жить. Если он настолько мне не доверяет… Ради чего тогда всё это?

Молчание затягивалось, и первым заговорил доктор.

— Я, наверное, оставлю вас. Мне здесь делать больше нечего, а вы можете остаться наедине и порадоваться своему счастью.

— Да, спасибо, — отозвался растерянно Глеб. — Нам необходимо остаться наедине, чтобы порадоваться, — только в его интонации радости было абсолютный ноль.

Доктор вышел за дверь и аккуратно прикрыл её за собой. Глеб продолжал стоять, смотреть на меня и молчать.

— Может быть, уже скажешь что-нибудь? — первым не выдержал он.

— А что я могу сказать? Для меня это полная неожиданность.

— Для меня, честно говоря, тоже, но, несмотря ни на что, я действительно рад, что у нас будет ещё один ребёнок.

И снова эта напряжённая тишина, между нами, густая, как тяжёлый пар, оседающий на стёклах в промозглый осенний день.

— Я оставлю тебя одну, мне надо закончить кое-какие дела, — граф предпочёл сбежать.

— Да. Хорошо. Можешь идти.

Он ещё несколько секунд посмотрел на меня неуверенно и всё же вышел. Я откинулась на подушку и уставилась в потолок. Узоры лепнины над головой расплывались перед глазами, сливаясь в причудливые, бесформенные тени. Не знала, что будет дальше, но точно знала, что первое время мне будет очень тяжело.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.